Б 4421

ПЕТР МАСЛОВ

КАК КРЕСТЬЯНЕ БОРОЛИСЬ ЗА ЗЕМЛЮ В 1905-6 ГОДУ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

ЦЕНТРАЛЬНОЕ Т-ВО
„КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“

МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Пров 35

Типография
Центрального Товарищества
„Кооперативное Издательство“
Москва, Б. Дмитровка, 26.
Главлит 47.709. Тираж 5.000.

DK
264

5199
25

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Двадцать лет тому назад почти по всей России прокатилась волна революционного движения. В большей части Европейской России, в Закавказье, в Польше, принадлежавшей тогда России, в Эстляндии, в Литве и Латвии начались крестьянские восстания, забастовки крестьян и рабочих, рабочие восстания и т. д.

Движение рабочих и крестьян было подавлено. Царское самодержавное правительство, сделав кое-какие политические уступки, жестоко подавило крестьянское и рабочее движение, а потом понемногу стало брать назад и те уступки, которые оно сделало в 1905 г. под страхом народного движения. Рабочие и крестьяне были разбиты. Солдаты,—дети и братья крестьян и рабочих,—арестовывали их, расстреливали как своих злейших врагов.

Уроки прошлого имеют свою пользу. Революция 1917 г. после тяжелого опыта 1905 г. повела к победе крестьян и рабочих, царская армия встала на сторону восставших и царское правительство было уничтожено.

Двадцатилетний юбилей крестьянского революционного движения должен нам напомнить, почему и как оно было разбито, почему закончилось поражением восставших крестьян и рабочих. Уроки прошлого нам говорят, что неорганизованное движение крестьян, оторванное от движения рабочих, так же как и движение рабочих, оторванное от крестьян, вело к поражению и тех и других, ибо сила помещиков, капиталистов и царского правительства заключалась в том, что оно могло заставить солдат,—детей крестьян и рабочих,—сражаться с ними, что все трудящиеся классы не были об'единены в один союз, крепко спаянный борьбой со своими угнетателями. История крестьянского движения 1905 г — история неорганизованной борьбы, ведущей к поражению.

Весь материал этой книжки взят из моей статьи «Крестьянское движение» во 2-ом томе книги «Общественное движение в России в начале XX века». Более подробное изложение крестьянского движения в России и его причин читатель найдет в моей книге «Крестьянское движение в России» вып. 1 и 2.

Автор.

I.

Почему крестьяне боролись за землю.

Для ведения земледельческого хозяйства, которым занимаются крестьяне, необходимы средства производства (скот, сельско-хозяйственные орудия) и земля. От количества земли, которым пользуются крестьяне в своем хозяйстве, зависит не только площадь посева, но и количество скота, которое крестьянин может прокормить. Если мало земли, то мало и корма для скота. Мало земли—мала и площадь посева. Поэтому крестьяне всячески старались увеличить площадь земли, которую они могли бы обрабатывать, чтобы поднять свое хозяйство. У многих крестьян после отмены крепостного права (у «дарственников») было так мало земли, что было совершенно невозможно прокормиться, если вести хозяйство только на своих наделах, и крестьяне закабалялись помещикам, арендуя у них землю за очень высокую цену, или нанимались к ним в работники.

А рядом с голодающими малоземельными крестьянами находились огромные имения помещиков в тысячи и десятки тысяч десятин, которыми крестьяне не могли пользоваться и за деньги, если этого не хотел помещик-землевладелец, потому что ему принадлежало «священное» право собственности.

Когда были у власти помещики, все, что захватывалось ими, было «священной» собственностью: одни получили землю вместе с крестьянами за то, что были любовниками царицы; другие просто захватывали землю, потому что на их стороне была сила; третьи умело грабили казну и на эти деньги приобретали землю,—все эти пути давали священное право собственности, охраняемое законом и оправдываемое церковью. Таким образом, существовавшие при царском самодержавии законы и отношения привели к тому, что рядом с малоземельем миллионов крестьянских хозяйств были огромные хозяйства помещиков, которые проматывали доходы от земли в столицах и за границей.

Некоторые крестьяне, забитые нуждой, проповедями духовенства и гнетом всяческого «начальства», считали, что малоземелье, нужда и голод все это от бога. В рассказе Вересаева «Лизар» старый крестьянин так говорит: «Прежде лучше было. Жили смирно, бога помнили, господь-батюшка заботился о людях, назначая всему меру... Война об'явится, а либо голод, и почистит народ, глядишь, другим свободнее стало: бабушки (оспа) придут,— что народу поклюют! Знай домовины готовь! Сокращал господь человека, жалел народ! А теперечи нету этого. Ни войны не слыхать, везде тихо, фершелих наставили. Вот и тужит народ землею. По нашему делу столько ребят не надобно... Говорится, даст господь скотинку с приплодцем, а деток с приморцем».

Разумеется, только окончательно забитые крепостным правом рабы рассуждали так и хотели „деток с приморцем“. У массы крестьянства в течение веков сохранилась память о том, что земли раньше были «ничьи» и постепенно захватывались и расхищались дворянством.

В конце девятнадцатого столетия по различным районам из ста десятин общей площади земли было:

РАЙОНЫ.	Крестьянских.	Частновладельч.	Казен. и удельн.
I Южный	48,4	39,4	12,8
II Юго-западный	46,9	46,0	7,1
III Среднечерноземный.	58,9	36,2	4,9
VI Юго-восточный	58,6	30,2	11,2
V Западный	44,7	46,8	8,9
VI Промышленный черноз.	52,3	38,1	9,6
IIV Восточный	31,6	19,9	48,5
VIII Балтийский	43,4	46,8	9,8
IX Промышленный.	46,9	36,1	17,0
X Столичные губ.	44,9	42,8	12,3
IX Северн. губ.	7,8	4,9	87,3

Если рассмотреть эту таблицу, то не трудно увидеть, помещики захватывали землю там, где было плотнее население, где крестьяне больше нуждались в земле. В северных губерниях, где редкое население, леса и болота, большая часть земли оставалась за казной, так как помещикам было мало выгоды от ее захвата. В восточном районе, где было редкое население, также большая часть земли оставалась за казной, потому что и там земли имели

малую ценность. Напротив, где крестьянам было тесно, там захватывалась земля, чтобы можно было их эксплоатировать. Казенных земель осталось мало и очень много было захвачено землевладельцами. Здесь сильнее крестьяне чувствовали и нужду в земле и больше платили помещикам за ее аренду.

Захват земли помещиками начался очень давно, еще до начала крепостного права. Во время крепостного права земли дарились помещикам вместе с крестьянами и, таким образом, крестьяне превращались в кабально-зависимых рабов.

Когда, вследствие крестьянских восстаний, разорения страны и поражения русской армии во время войны с Турцией, Францией и Англией, в 50-х годах прошлого столетия, царское правительство вынуждено было отменить крепостное право, у крестьян была еще отобрана значительная часть земель, которыми они пользовались при крепостном праве. При этом в черноземных районах помещики отрезали у крестьян больше земли, чем в нечерноземных губерниях, где земля менее плодородна.

Население после крепостного права размножалось, а земли становилось на каждого работника все меньше и меньше и они все больше и больше закабалялись помещикам, так как арендные цены быстро росли.

Поэтому от времени до времени с самой отмены крепостного права, то там, то здесь вспыхивали крестьянские восстания и беспорядки, которые жестоко подавлялись. Но особенно сильно крестьянское движение началось в начале текущего столетия и двадцать лет тому назад разлилось почти по всей царской России.

II.

Экономическое положение крестьян в начале столетия.

Основной экономической причиной крестьянского движения было разорение крестьянского хозяйства, вызванное, с одной стороны, высокими налогами, падавшими на крестьянское хозяйство, с другой стороны, повышением арендных цен на землю.

Арендные цены так повышались, что оттесняли как капиталистов арендаторов, так и экономические запашки самих землевладельцев. Самым выгодным способом ведения хозяйства для землевладельцев оказалась сдача земли в мелкую аренду, или за деньги, или под отработки.

Это повышение цен на землю в корне подрывало мелкое крестьянское хозяйство и вело его постепенно к кризису. Арендуя частновладельческие земли, мелкие арендаторы, вследствие взаимной конкуренции, стали платить такие высокие цены, что обработка арендуемой земли не оплачивалась им даже по обычной заработной плате за сельскохозяйственный труд.

Так как, с другой стороны, за свои надельные земли крестьяне принуждены были платить высокие налоги и нести всяческие повинности, то доход, получаемый и с надельной, и с арендуемой земли, не давал большинству крестьян даже необходимых средств для существования. Арендаторы, чтобы платить налоги, продолжать аренду и чтобы прокормиться, должны были сокращать свои средства производства, проедать скот, или продавать его для того, чтобы уплатить аренду. Продавался ли скот для того, чтобы купить хлеб для пропитания, или для уплаты налогов и аренды, мелкая аренда сохранялась только благодаря тому, что крестьяне пополняли понемногу свой бюджет сокращением скота, необходимого для ведения хозяйства.

Чем выше поднимались арендные цены, чем меньше оставалось крестьянину от аренды земли, тем быстрее сокращалось в хозяйстве количество скота, тем раньше подрывались самые основы продовольственного хозяйства и раньше должен был наступить его кризис.

К началу 90-х годов крестьянские посевы (по отношению к земледельческому населению) и количество скота в крестьянских хозяйствах сократилось. Это сокращение количества скота в различных районах России было различно и, в связи с этим, как положение крестьянского хозяйства, так и характер крестьянского движения имели различный характер.

В центральном черноземном районе число лошадей у земледельческого населения 20 лет тому назад сокращалось. Во всем нечерноземном районе мы наблюдаем в еще более резкой форме, чем в черноземном районе, сокращение количества лошадей, которое мы считаем признаком разорения крестьянского хозяйства. Так, в юго-западном и малороссийском районах крестьянское население уже поддерживало свое хозяйство не столько арендой земли, сколько наемным трудом.

III.

1905 год. Начало движения.

1.

Крестьянское движение местами вспыхивало в самом начале XX столетия. В 1901 г. массовое крестьянское движение возникает в Гурии, а в 1902 г. крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях увлекает десятки тысяч крестьян в четырех уездах, причем только к суду за эти массовые беспорядки было привлечено более тысячи человек. В значительных размерах крестьянское движение происходило также в Воронежской и Саратовской губ.

В 1903/4 годах движение возникает в различных пунктах России, при чем в Гурии оно продолжало развиваться еще шире, между тем как в других пунктах оно вспыхивало и быстро подавлялось. Уже в 1903/4 годах встречаются все формы крестьянского движения, которые в более широких размерах развились в 1905/6 годах.

К началу 1905 года недовольство всех классов населения, вызванное отчасти неудачами русско-японской войны, становится чрезвычайно напряженным. Слухи о расстреле рабочих в Петербурге после 9-го января, конечно, проникали и в деревню. Все это должно было зажечь пожаром тот горючий материал, который накопился в деревне. И, действительно, с февраля месяца крестьянское движение вспыхивает с еще небывалой силой, возникая в различных местах обширной страны.

Недовольство в настроении крестьян стало чувствоваться везде. «Мужик как-то незаметно умственно возрос, пишет корреспондент «Слова», кругозор (мужика) увеличился и жизненная неправда им стала чувствоваться и сознаваться определеннее, яснее и требовательнее. Он уже начинает и возмущаться барством, не потому, впрочем, что те бары, а он мужик, а потому, что у бар он видит много неправды по отношению к себе, а у властей поташки первым и угнетения его. И вот результаты: во многие деревни местная полиция боится уже показываться, а урядника нередко стали и поколачивать—и уже совершенно не в пьяном виде и не по пьяному делу, а преднамеренно, обдуманно. Прошлым летом как-то без широкого уговора явилась стачка».

Естественно, что при таком настроении и при усилившемся движении других слоев населения, крестьянские беспорядки возникают одновременно в самых отдаленных одно от другого местах, как-будто по предварительному уговору.

Так, 15 февраля начинаются беспорядки в Дмитровском уезде Курской губ. и распространяются на соседние уезды Орловской и Черниговской губ.

18 февраля, ввиду аграрных беспорядков, Озургетский уезд Кутаисской губ. и Контришский участок Батумской области передаются из ведения губернаторов военным властям.

С 15 февраля по 1-е марта в Харьковском уезде начинаются порубки леса.

28 февраля в Шаропанском уезде (Кутаисск. губ.) крестьяне разбивают сельские канцелярии и уничтожают документы. То же одновременно происходит в Сенакском уезде. 9 марта начинается движение в Горийском у. Тифлисской г., а 10-го в Двинском, Режицком и Люцинском уездах Витебской губ., т.-е. на противоположном конце Европейской России, крестьяне рубят лес и нападают на экономии. 10-го же марта начинается сильное движение в Лифляндской губ. 12-го начинаются забастовки батраков в Люблинской и Седлецкой губ. Одновременно отмечается крестьянское движение и движение батраков и в других пунктах Польши.

27 марта около Риги происходят собрания для выработки общих требований; 28 марта начинаются беспорядки в Телавском у. Тифлисской губ. 31 марта отправляются казаки в Луганск для усмирения соседних крестьян и в то же время осетины на Северном Кавказе делают вооруженные нападения на казенные леса. В марте же происходят беспорядки и забастовки крестьян в Подольской губ., порубки лесов в Харьковской губ. и т. д. и т. д.

В зависимости от экономических условий, от культурного уровня населения различных районов, а также от более или менее близкого участия различных революционных партий и характер крестьянского движения в различных местах был различен.

2.

Движение началось в 1905 г. прежде всего в Дмитровском у. Курской губ. и Севском у. Орловской губ.

«Уже давно среди крестьянства Курской губ., пишет корреспондент «Рев. Рос.», ходят слухи о необходимости произвести с

весны «общее поравнение».—«Вот как только вернутся к весне запасные, мы и произведем «поравнение». Крестьяне в некоторых местах ждут, что руководить движением будут студенты».

«В пострадавшем районе, пишет корреспондент «Слова», крестьянство жило почти впроголодь, соседство же богатых имений с обширными угодьями показывало его нищету и тесноту. Когда, однако, крестьянство пошло на приступ, то чрезмерно пострадавшими оказались не столько обладатели крупных имений, сколько средние помещики...»

Подвигаясь из Орловской губ., разрушительное шествие крестьянской толпы в пределах Глуховского уезда Черниговской губ. разгромило семнадцать хуторов и имений. Паника охватила всех помещиков. «Помещики все подевались куда-то, в экономиях было пусто, ни души, весь скот прятали неизвестно куда... Словно все вымерло».

Подвигаясь вперед, разгромивши ряд имений, крестьянская толпа в Севске натолкнулась на войска, которые привел черниговский губернатор, и крестьяне рассеялись.

Наиболее пострадали в Глуховском уезде имения дворянина Терещенки, у которого в ночь на 23 февраля были разобраны Николаевский и Михайловский хутора, при чем из Николаевского хутора был вывезен хлеб в зерне, а из Михайловского хутора, в котором находился сахаро-рафинадный завод, была увезена часть сахара и другого имущества, а здание завода и дома были сожжены.

По данным обвинительного акта*), крестьянские беспорядки происходили при следующих условиях.

«Крестьяне как села Сального, так и других окрестных деревень, в том числе и Глуховского уезда—люди крайне бедные. имеют небольшие наделы, в среднем около 2¾ десятины на ревизскую душу, а, например, в с. Ломленке, Глуховского уезда, на 38 дворов приходится 32 десятины; многие же из крестьян и совсем надела не имеют; земля очень плохого качества (песок, болото и глина), так что своего хлеба не хватает, недостаток выгонов, отсутствие леса и лугов; пользоваться же владельческой землей на арендном праве было невозможно, так как почти вся земля обрабатывалась самими владельцами, и если сдавалась под посевы, то худшая часть, и притом с обязательством отработков в экономии, что

*) „Право" № 9, 5 марта 1905 г.

делало также пользование экономической землей убыточным для крестьян. Только крайняя нужда и незначительный размер надельной земли заставляли крестьян брать землю на таких условиях у помещиков, притом, если положено, например, отработать в экономии Терещенко 40 десятин, то экономия требует, чтобы их убрать в два дня, а если крестьяне не успеют, то с них вычитывают по 6 р. с десятины и сена вовсе не дают, снопы заставляют вязать в пуд весом, и, в случае во время работы сломается экономическая телега, то за это с возчика вычитают рубль, при остановке же работ из-за дождя в течение часа с рабочих вычитают плату за полдня.

«Вследствие такого недостатка в земле крестьяне вынуждены были искать заработков на отхожих промыслах, отправляясь для этой цели на юг—в Одессу, Ростов на Дону, Ялту, Юзовские заводы, а также прибегать к местным заработкам, какие давал сахарный завод ввиде возки топлива, извоза сахара и работы на самом заводе. По возвращении же из отхожих промыслов крестьяне... к начальству относились высокомерно и нередко дерзко, и не хотели уже заниматься земледелием. Незадолго до возникновения погромов в с. Сальном, Дмитриевского уезда, и в соседнем селе Добром в поле появились прокламации революционного содержания, под заглавием «Братья-крестьяне», призывающие крестьян к массовому восстанию против помещиков и властей, причем им начертывалась программа деятельности: сначала тайная пропаганда среди односельцев, малые сходки и собрания в целях об'единения, а затем повсеместное массовое открытое восстание. Читались эти прокламации толпами крестьян, не позволяя их никому срывать, с видимым удовольствием, говоря, что вышел «праведный закон», что теперь все наше: и поля, и луга, и леса, все можно нам теперь забирать от владельцев, пахать землю, жать, рубить леса». Крестьяне были убеждены, что прокламации «идут от начальства», и поэтому им нужно верить. Вскорости после упомянутой прокламации крестьяне села Сального начали производить самовольные потравы и порубки, а затем в ночь на 13 февраля 1905 г. открыто похитили хлеб из экономии Чехничева; в ночь же на 22 того же февраля было разграблено еще несколько экономий в Севском уезде, Орловской губ., в том числе и экономия Николы Терещенко при селе Хинели. Во время разграбления 22 февраля находившегося в Севском уезде Николаевского хутора Терещенко один из толпы говорил: «от панов и нам, и вам плохо,

а вот они подадутся, так земля и будет наша, на весну можете пахать и жать всю землю. Вот теперь здесь берите, а чтобы в 6 часов вечера все были в Михайловском хуторе... «В тот же день, в Михайловском хуторе Терещенко часа за два до погрома этого хутора один говорил, обращаясь к группе крестьян: «я не имею куска земли, а помещики имеют землю и живут себе вольно... я сам первый начну разбивать и громить». Во время же самого погрома один из крестьян, принимавший участие в погроме, на вопрос, почему они не только грабят, но и жгут завод и постройки при нем, ответил: «завод не нужен, мы сахару варить не умеем, нам земля нужна, на весну гречиху тут будем сеять... По разграблении Хинельской экономии... почти все крестьяне села Хинеля, вместе со старостой, поехали в Михайловский хутор. Отправились не только мужчины, но и женщины и даже дети. Так как путь лежал на деревни Ломленку и Родионовку и село Чуйковку, Глуховского уезда, то, проезжая, приглашали местных крестьян присоединиться к ним и ехать в Михайловский хутор «по сахар», угрожая на случай отказа поджогом на обратном пути. Между Чуйковской и Михайловским хутором ехавшие подожгли расположенные у дороги сараи, находившиеся в Федоровском хуторе Терещенко, и несколько далее, в расстоянии $1^1/_2$ в. от Михайловского хутора, три больших навеса для сушки кирпича, которые и сгорели впоследствии, и затем, около 7 часов вечера под'хали к Михайловскому хутору. Всех подвод ехало до 500, а в улицу Михайловского хутора в'ехало подвод 6—7, на коих сидело по 2 и по 3 человека. На вопрос одного из служащих на заводе, для чего они приехали, последние ответили: «разве не знаете для чего: грабить, жечь и громить». Вслед за тем, со стороны Чуйковки стали в'езжать подводы, а когда первые поровнялись с зданием больницы, находившемся при в'езде в Михайловский хутор, надзирательница больницы Михайлова обратилась к проезжавшим с просьбой не громить больницы. В толпе раздались голоса—не трогать больницы, и здание это уцелело, подводы двинулись дальше по улице. Часть подвод, приблизительно до 300, свернула в экономический двор Николаевского хутора, расположенный почти против больницы, и стала расхищать хранившийся там в 6 амбарах разный хлеб в зерне, муке, крупе и отрубях, которого было до 10 тысяч пудов, а остальные подводы продолжали двигаться по направлению к заводу. Впереди с шумом и криком проехало подвод 200 крестьян

села Хинеля и других сел Орловской губ., а за ними потянулись подводы крестьян Глуховского уезда, очевидно, присоединившихся по пути к первым. Ехали подводы по нескольку вряд, всего было их около тысячи. У некоторых из ехавших в руках видны были топоры, ломы и колья. Двигаясь по улице, в начале которой расположены дома с квартирами низших служащих на заводе, толпа ограничилась лишь тем, что разбила стекла в нескольких окнах этих домов. Возле бондарного двора из толпы отделилось человек шесть, которые, в'ехав в этот двор, отбили замок у сарая, где сложен был сахар в мешках и стали расхищать его, складывая на подводы, но подоспевшему приказчику бондарного двора Москаленко с несколькими бондарями удалось отстоять этот склад. Под'ехав далее к дому, в котором была квартира доктора завода Смаковского и служащего на заводе Алфимова, толпа стала бить окна в квартире Смаковского и расхищать его имущество. Видя это, стоявшие возле дома Алфимов с сыновьями... обратились с просьбой к одному из крестьян, не грабить и не жечь их квартиры, говоря, что они люди бедные. Этот крестьянин, осмотрев обстановку в квартире Алфимова, крикнул толпе: «братцы, этой квартиры не трогать». Крик этот был подхвачен толпой, и квартира Алфимова разграблена не была. Движение подвод все продолжалось; в это время, по показанию свидетелей, раздался звук рожка и свистка... После этого послышался звон разбиваемых стекол и оказалось, что толпа бросилась в квартиры служащих, расположенные далее по улице, стала бить окна, расхищать имущество и затем поджигать их... Одновременно с этим, двигавшаяся вперед толпа разделилась: часть вошла в хозяйственный двор, где, отбив замки у сарая, расхитила находившийся там сахар, а также муку и крупу, и похитила из этого двора трех лошадей, выпущенных ранее, ввиду пожара, из конюшни, другая часть направилась на заводский двор и, бросившись к зданию завода, четырем амбарам с сахаром, конторе завода, при которой помещалась и квартира управляющего заводом Гусаченко, стала ломать замки, двери, бить окна и расхищать сахар и другое имущество, складывая все это на подводы, а затем подожгла эти здания. Завод был подожжен одновременно с трех сторон. Все эти здания, склады с сахаром и завод сгорели... Толпа рассыпалась по всему хутору, продолжая грабить и жечь. В разных местах возникли от поджогов новые пожары»...

В то время, когда толпа еще продолжала грабить и жечь, по

улице потянулись к выезду подводы, нагруженные разным имуществом, а навстречу им двигались порожние, принадлежащие крестьянам окрестных сел и деревень. Вновь прибывшие, в свою очередь, принимали участие в разграблении и такое движение продолжалось в течение всей ночи. Всех лиц, участвовавших в погроме, было более трех тысяч человек.

В течение недели были ограблены экономии Хатута, Погребы, Калиновка, хутор Дмитриевский, хутор Елизаветинский (г. Шауфус), Дубовицы (бар. Мейендорфа), Гламаздино (Волкова), Прилепы (бар. Мейндорфа), Романовка, Сковородня, Поздышевка хутор Попова, Зайцевых, Литваревой, Петровского, Хинель (Терещенко).

Нарисованная выше картина разгрома экономий повторяется с различными изменениями и в других местах района. Движение носит характер мало сознательного движения, иногда основанного, повидимому, на том, что после разгрома имения помещик уже не в состоянии будет вести хозяйство и земля достанется крестьянам.

В беспорядках обыкновенно принимали участие крестьяне целого ряда деревень совместно. Большею частью крестьяне предупреждали заранее владельцев, что явятся к ним тогда-то [1]), причем иногда приходила предварительно небольшая группа, осматривала экономию и уже после того заявляла, что крестьяне придут в известный день.

В назначенный день недалеко от усадьбы зажигался омет соломы, костер или просто большой пук соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьян с подводами; подвод иногда с'ежалось до 500—700. Собравшись, крестьяне направлялись в экономию, подходя к ней, делали несколько выстрелов из ружей ломали замки у амбаров, нагружали хлеб на подводы и уезжали.

Присутствие хозяина или управляющего нисколько не смущало их: они дозволяли ему быть свидетелем, не отгоняли от себя, но и не вступали с ним ни в какие об'яснения. Брали, главным образом, зерновой хлеб; другие продукты увозили в редких случаях, поэтому никаких других построек кроме хлебных амбаров, обыкновенно, не трогали. В Прилепах крестьяне разграбили хлеб, но не

---

[1]) „Помещики Севского уезда, Орловской губ., знали определенно о погроме за шесть дней до его наступления и принимали меры предосторожности". „Слово" № 102, 1905 г.

тронули сахарного завода; у Петровского также увезли хлеб и оставили в покое винокуренный завод. В дома обыкновенно не заглядывали. Денег не требовали, насилий никаких не делалось. Вообще крестьяне старались вести себя сдержанно и не выходили из известных пределов. На больницы и школы никаких покушений не делалось, так что некоторые помещики бросали усадьбы и укрывались в школах. В разборке экономий принимали участие целые деревни,—мужчины, женщины и подростки; в числе арестованных в севской тюрьме был, между прочим, один слепой нищий, которого сельчане снабдили лошадью и подводой, помогли насыпать хлеба и он, таким образом, привез себе целый воз.

Какого-нибудь распределения экономий между деревнями не было, приезжали кто хотел, и какой бы то ни было деревни, иногда очень издалека.

Хотя крестьяне, как сказано, старались не выходить из известных границ, но это им не всегда удавалось. Иногда под влиянием возбуждения, опьянения или особенно обостренных отношений, страсти разгорались и тогда уже происходил разгром в полном смысле этого слова.

3.

В Северо-западном крае одновременно происходит то же самое. Так, в большом и богатом селе, известном по большому винокуренному заводу Волкова, по сообщению „Света", крестьяне окружили устроенный ими погром особенной торжественностью. «Собираться» положено было по сигналу и сигналом был назначен удар в набат. В 6 часов вечера призывный удар раздался и все мужики явились на сборный пункт, выкинув при этом „для порядка" красный флаг, считающийся у них первым знаком порядка. На вопросы о красном флаге «бунтовщики» пресерьезно отвечали: „а для того мы и вывесили красный флаг, чтобы все знали, что мы идем не на разбой, не для озорства, а за делом". Винокуренный завод они сожгли дотла, часть спирта пролили, а остальной поделили самым миролюбивым образом, так же, как и инвентарь экономии, при чем усердие их доходило до того, что один вояка, „на долю которого пришлись тесовые ворота и откормленная телка, за 25 верст уволок это на себе".

Между собой у них ссор не выходило, положительно, никаких, но это миролюбивое отношение всецело ограничивалось их взаимными отношениями, и когда в одном из сел помещик, предчувст-

вуя недоброе, попытался сам заблаговременно вырубить свой лес, то мужики «запретили» ему это, говоря: «Не смей. Все наше. И земля наша, и лес наш». Помещик отступил перед силой, выставил им вина, стал униженно просить, чтобы они не трогали его дома, убеждая их, что надобно же ему где-нибудь жить. Не стали слушать, прогнали и отправились „миром“ его лес рубить. В этом повальном стихийном опустошении они добрались и до казенного леса, принялись, было, его рубить, но живо спохватились и бросили работу».

При рассмотрении судебных дел, возникших по поводу февральских беспорядков, оказалось, что никаких агитаторов или сторонних подстрекателей не было; судом были даже отвергнуты почти все обвинения в подстрекательстве. «Самое тщательное исследование дела установило, что „разбирать“ экономии крестьяне пошли единственно на основании быстро распространившихся слухов о том, что это дозволено свыше. Другое основание состояло в непреодолимом желании верить всяким таким слухам, которые сулят освобождение их из того невыносимого экономического положения, в котором они находятся и которое может быть определено двумя словами: „постоянное недоедание“ по причине малоземелья и увеличения народонаселения... Надельной земли сделалось уже недостаточно для их прокормления, а потому они должны были бы получить новый надел.

Потому им, крестьянам, следует насильно отобрать от господ землю, которую они не хотят отдать добровольно; в данную же минуту следует взять у них и полученные ими от этой земли доходы ввиде хлеба и скота. Это убеждение до такой степени проникло в сознание крестьян, что многие из них и на суде старались упорно доказать его справедливость. Дошли ли они до него собственным умом, под влиянием гнетущей безысходной нужды, или оно было внушено им кем-нибудь из их среды, — доискаться было трудно, но из судебных дел вовсе не усматривалось, чтобы это убеждение было результатом революционной пропаганды».

4.

В юго-западном крае движение крестьян началось с порубки крестьянами помещичьих лесов в самом начале 1905 г. Корреспонденты изображают порубочное движение, как предшествующее забастовочному движению, которое наступило позднее с началом

полевых работ, и называют порубки „стихийными" в том смысле, что в этом движении замечалось полное отсутствие подготовки и плана. Движение в Каменецком уезде, Подольской губернии, возникло самостоятельно: никакой агитации в 1905 г., когда особенно сильны были порубки, не замечалось. В конце февраля порубки приняли эпедемический характер. Явились власти, или, как говорят крестьяне, „комысия". Было произведено много обысков и найдено много срубленных деревьев.

В других уездах Подольской губернии движение в начале 1905 г. проявилось в различных формах, но не носило такого «сплошного» характера. В Балтском уезде, в большинстве случаев, движение начала 1905 г. было связано с арендными отношениями крестьян и р а с ш и р е н и е м п о м е щ и ч ь и х з а п а ш е к. В некоторых местах беспорядки окончились разгромом усадьб и убийствами помещиков. Первый случай разгрома усадьбы произошел в с. Круты в имении кн. Абамелек-Лазарева, и вызван был убийством крестьянина об'ездчиком помещика. Толпа в 1000 человек разгромила все имущество. Как выяснилось на суде, крестьяне были озлоблены распашкой экономией тех мест, которые раньше служили у крестьян пастбищем, вследствие чего крестьяне стали терять скот.

Подобный же разгром, сопровождавшийся убийством, произошел 6 мая на хуторе землевладельца А. Войтенко, при чем усадьба была разгромлена, а дом сожжен. Точно также и здесь землевладелец, еще в 1904 г. сдавший землю исполу крестьянам, в 1905 г. большую часть земли стал обрабатывать. Другие случаи столкновения крестьян с землевладельцами носят точно также чисто местный характер и не захватывают соседних крестьян.

Значительно шире в юго-западном крае (в Подольской губернии) весной 1905 г. было забастовочное движение крестьян и сельско-хозяйственных рабочих. В Подольской губ. можно отметить несколько районов забастовочного движения, которое распространялось в этих районах в известной последовательности. Раньше других движение началось в местностях с сравнительно слабым развитием посевов сахарной свекловицы, но зато самых малоземельных (Каменецкий, Уланицкий, Проскуровский и Могилевский уезды). Требования крестьян касались не только поденной платы во время весенних работ, но и платы сроковым рабочим и вознаграждения за труд во время жатвы.

Первый район забастовочного движения охватывает северо-

западную часть Углицкого уезда, Проскуровский и Каменецкий у. у. Движение началось в конце марта и охватило в апреле месяце десятки сел. Второй район состоит из Могилевского и Ямпольского у. у. с юго-восточной частью Углицкого. Здесь движение развилось в апреле и мае месяцах. Еще позже, в мае и начале июня, оно распространилось в северных волостях Ямпольского у., юго-западной части Винницкого и в соседних частях Могилевского и Брацлавского уездов. В то же время забастовка охватила более 20 сел Гайсанского уезда.

Забастовочное движение началось с того, что в конце марта крестьяне м. Солобковец, Углицкого у., собравшись в присутствии старосты на сход, постановили приговор о том, что никто из членов общества не должен наниматься на работы в местную экономию дешевле 1 р. для взрослого и 50 к. для работницы. Это постановление в ближайший ярмарочный день уполномоченные общества об'явили и окрестным крестьянам. В конце марта и в начале апреля произошли забастовки в десятках сел смежных волостей Углицкого, Проскуровского и Каменецкого уездов. Уполномоченные от крестьян пред'явили помещикам требования о повышении заработной платы как поденным и сдельным, так и постоянным рабочим. Были выставлены требования: 1) поденная плата взрослому рабочему 60 к., вместо обычных ранее 20—30 к., а подростку и женщине по 30 к., вместо 10—15 коп.

2) Годовая плата парубкам и другим рабочим 120 р. и 18 корцов ординарий (вместо 30—50 р. и 7—9 корцов ординарий).

3) Во время жатвы платить по 1 р. в день или 7-й сноп вместо 40—50 к. в день.

В некоторых экономиях уполномоченные разгоняли работавших на помещичьих полях парубков, а иногда прогоняли и домашнюю прислугу, но прогнанные потом сами заявляли о своей солидарности с забастовавшими.

По описанию корреспондента, движение, начавшись в Углицком уезде, распространилось постепенно, не минуя почти ни одного села по дороге своего распространения, и дошло до экономии корреспондента. Толпа пришла в экономию, удалила всех экономических рабочих, без заявления каких-либо требований. На следующий день на сходе, созванном мировым посредником, крестьяне пред'явили требования поденной платы в 1 р.; забастовка продолжалась 3 дня, в течение которых в экономии был помещен отряд войска, запугавший батраков, вызванных из другой экономии.

В соседних экономиях забастовки носили сходный характер и продолжались 3—4 недели.

Движение было направлено против крупных и мелких землевладельцев и арендаторов, без различия сословий, вообще против всех хозяйств, носящих характер экономий от 1.000 до 50 десятин. При этом, если имение состоит из нескольких экономий, то движение велось против каждой экономии отдельно, так как везде участвовали только местные крестьяне. Движение возникло с одинаковой силой во всех имениях, где до того были хорошие или плохие отношения.

В разные пункты района вызваны были драгуны и казаки. Несмотря на это и на многочисленные аресты, забастовки не сразу прекратились. К 6 апреля они почти прекратились в северо-западной части Углицкого уезда, но продолжались в Проскуровском у.

По донесениям исправников, к маю месяцу движение в этих уездах совершенно улеглось. Всего в этих уездах было охвачено движением 110 селений.

Другим очагом забастовочного движения была южная половина Могилевского уезда с соседними местностями Углицкого и Ямпольского уездов.

Движение началось в Могилевском у. в начале апреля 1905 г., в селах Посохове, Котюханах и м. Сниткове. В половине и в конце мая оно развилось по соседним волостям.

В Ямпольском уезде движение, начавшись с Бабчинецкой волости, в течение мая распространилось почти на весь уезд.

Движение в Могилевском и Углицком уездах выражалось в с'еме всех экономических рабочих и служащих, а также в недопущении к работам поденных рабочих из других сел и в полном прекращении работ. С'ем постоянных рабочих был только для виду, так как батраки, местные же крестьяне, сами были согласны с приходившими, но считали более удобным, чтобы их снимали, и, таким образом, избавляли от ответственности по договорам. Забастовавшие крестьяне пред'являли требования об увеличении платы до 1 р. в день мужчине и 75 к. женщине при 8 часовом рабочем дне.

Не желая подавать повода для вмешательства властей, крестьяне строго следили, чтобы не было насилий; они ставили караулы и устраивали обходы, чтобы не было потрав и, наконец, посылали рабочих для корма скота. Были выставлены караулы в селах, чтобы никто из села не отлучался и не мог уклониться от

исполнения принятых решений. Солидарность, порядок и отсутствие оппозиций, по словам корреспондентов, были поразительны. В движении участвовали все местные крестьяне без исключения; руководителями были более зажиточные (богатых, по словам корреспондента, в бастовавших селах не было). Безземельные были более боязливыми, так как без ежедневного заработка они не могут существовать. Были попытки поддержать бедняков сбором провизии с зажиточных крестьян, что, вероятно, было бы выполнено, если бы на место движения не прибыли войска. Влияния каких-либо сторонних лиц не было, но перед началом движения были распространены прокламации, „которые сами по себе не могли поднять движения, но, отвечая мыслям и желаниям крестьян, помогали разобраться в формах и изложении требований и, вероятно, придавали бодрости и уверенности, что забастовщики не одиноки".

В Ямпольском уезде, крестьяне были более возбуждены, при пред'явлении своих требований грозили насильственными действиями против помещиков, допускали потравы помещичьих полей.

В районе Винницкого, Брацлавского, Гайсинского и соседних местностей Ямпольского и Могилевского уездов движение началось в начале мая. Забастовка началась 7 мая на сахарном заводе Шпиковского, имения Балашева в Брацлавском уезде. К забастовке присоединились рабочие на свекло-сахарных плантациях в шпиковской и соседних экономиях. 10 мая администрация пришла к соглашению с рабочими и крестьянами и забастовка прекратилась.

В других экономиях этого уезда забастовки и с'ем рабочих начались также в начале мая и к концу месяца движение так разрослось, что для усмирения беспорядков были призваны войска.

В Винницком у. крестьяне распределили рабочий район по селениям, запрещая приглашать рабочих из других мест и энергично поддерживая как это распределение, так и установленную ими рабочую плату. В Винницком уезде забастовки охватили более 13 сел.

В то же время в Гайсинском уезде бастовало более 20 сел.

Они также требовали повышения заработной платы и не допускали посторонних рабочих.

В середине июня движение в Подольской губ. стихло, но около начала июля беспорядки вновь обострились в Могилевском уезде, так что местами для усмирения были вызваны войска.

В Киевской губ. забастовочное движение началось в начале мая.

2-го мая в имении Терещенко в Сквирском уезде крестьяне в ответ на понижение заработной платы прекратили работы и потребовали повышения платы. Несмотря на то, что никаких насилий со стороны бастовавших крестьян не было, были вызваны драгуны и арестовано 30 человек и многие были избиты. В той же части Сквирского уезда произошла забастовка в с. Кривом. Этими забастовками и ограничилось движение в начале мая. Но во второй половине мая забастовки почти одновременно вспыхнули в трех других различных районах. Первый охватывал южную часть Киевского и северную Каневского уездов; второй — северо-восточную часть Звенигородского, юго-западную Черкасского, западную Чигиринского и южную часть Каневского у.у., наконец, третий—западную часть Таращанского и южную часть Сквирского уездов.

Большая забастовка произошла в шести экономиях генерала Черткова, где постоянно работает на свекловичных плантациях несколько тысяч местных и пришлых рабочих. Забастовка началась 18-го мая и носила во всех экономиях одинаковый характер. Рабочие приходили только в экономию и требовали сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и представления работы всем желавшим работать. Суду было предано 29 человек, случайно выхваченных из толпы.

Аналогичные забастовки происходили и в других имениях. По отзывам корреспондентов, движение началось без влияния посторонних лиц, которое обнаружилось только позднее, зимою 1905—6 г.г.

Движение в Звинигородском, Черкасском и Чигиринском у.у. началось также в конце мая и в начале июня и имело такой же характер, как и в других районах губернии. Широких размеров забастовка достигла в Шполянском имении кн. Урусовой, где бастовали во всех экономиях, и у Н. А. Терещенко, а также у графини Браницкой, баронессы Врангель и наследн. Энгельгардт.

Характерно, что забастовку чинили преимущественно бабы и девушки, осаждавшие барские дома по целым дням тысячной толпой, собравшейся с нескольких деревень.

В «Смелянщине» Черкасского и Чигиринского у.у. движение впервые проявилось в июне. Выразилось оно в общей забастовке, охватившей все селения этого района (в особенности села Райгород, Прусы, Лозановка, Черкасского у., с.с. Грушевка, Каменка Чигиринского у.).

В Таращанском районе движение началось в середине мая и захватило целый ряд волостей. Движение проявилось исключительно в забастовках с требованиями улучшения условий найма на свекловичных плантациях.

В Волынской губ. весенние забастовки были только в Житомирском у. в крупных имениях, принадлежащих представителям фамилии Терещенко, и имели более случайный характер.

5.

Почти одновременно с беспорядками в Курской и Орловской губ. вспыхивает движение батраков в Польше, в Люблинской и Седлецкой губерниях. Движение вспыхнуло вслед за забастовками фабричных рабочих в крупных центрах Польши, в Варшаве, Лодзи, Сосновицах и на Привислинских железных дорогах.

Движение батраков выразилось в массовых забастовках рабочих, живущих в имениях. Как в Центральной России движение крестьян было вызвано повышением аренды, так батрацкое движение в Польше, немного позже в Прибалтийском крае, Литве и проч., было вызвано повышением цен на средства существования сельско-хозяйственных рабочих и, благодаря этому, относительным понижением заработной платы.

Даже „Новое Время", склонное всегда искать причины недовольства крестьян и рабочих в кознях „злоумышленников", констатирует невыносимое положение польских батраков.

„С положением рабочих в каменноугольных шахтах,—говорит „Новое Время",—можно вполне в уровень поставить жизнь рабочих помещичьих в так называемых „гвораках". Гвораки — это ряд небольших, с земляным полом, низким потолком и малыми окнами, изб, из которых в каждой помещается не менее двух-трех семейств, размещенных в трех углах ее, а в четвертом—печка. По отзывам очевидцев, военных и гражданских чинов, посланных в места беспорядков, и властей, производивших дознания о причинах их, сердце невольно сжимается и содрогается от ужаса при виде этих живых, грязных, заморенных человеческих теней, без кровинки в лице, задыхающихся в наполненном разными миазмами воздухе... Напряженность ожидания улучшения выразилась, между прочим, в том, что толпами человек в 200—100 крестьяне в некоторых местах приходили к комиссарам и требовали выдачи им царской грамоты о наделе их землей от помещиков, которую

от них комиссары будто бы скрывают, действуя за одно с помещиками. Но когда на их подобные требования комиссары предлагали им разобрать всю их канцелярию и найти там несуществующую грамоту, то удивленные таким неожиданным предложением крестьяне уходили мирно домой".

Забастовка сельско-хозяйственных рабочих началась в экономии Яна Кленевского (владеющего 15-ю имениями), а затем перешла на фольварк: Солжака в Полянувцах, Веселова в Корчмишках, Горбове и т. д.

Требования, предъявленные рабочими, сводились, главным образом, к повышению заработной платы на 5 р. в год, бесплатной и постоянной врачебной помощи, пары коров для семьи, к улучшению продовольствия, учреждению школы для детей рабочих. Некоторые из этих требований были удовлетворены. В большинстве экономий после этого работы сначала было возобновились, но затем опять прекратились, вследствие возобновления аграрного движения. Движение проявилось в том, что „толпа сельско-хозяйственных рабочих Люблинского уезда, числом более 500 человек, вооруженная револьверами, одностволками и палками, явилась в имение помещика Домбровского в смежном Красноставском уезде, обезоружила владельца имения, потребовала от него 75 р. на прокормление и, забрав с собой всех рабочих, находившихся в этом имении, направилась дальше в другие имения. Там повторялось то же самое. Значительно увеличившись в своей численности после присоединения сельско-хозяйственных рабочих в имениях, толпа разделилась на две части, по пути останавливалась в фольварках и прекращала там сельско-хозяйственные работы. Рабочие по дороге присоединялись к толпе, пока около Красностава ей не преградили путь высланные из Люблина войска. Отряд Тарутинского полка, окружив забастовщиков, разоружил их, а затем разогнал, арестовавши некоторых.

Из Красноставского уезда движение перешло в Замостьский. Здесь движение имело такой же характер; только местами, по сообщениям газет, забастовщики прибегали к угрозам и насилиям.

При содействии войск движение было прекращено в течение трех дней.

В Варшавской губ. в начале марта толпа забастовавших рабочих отправилась из Гостынинского уезда в Кутновский и в Ланентах встретилась с местными сельскими рабочими, тоже забастовавшими. Толпой в 200 человек они вместе направились дальше,

чтобы привлечь к забастовке рабочих других имений уезда, но натолкнулись на отряд земской стражи, которая после предварительных уговоров разогнала толпу залпом, которым было убито 11 и ранено 10 человек.

На ряду с забастовочным движением сельско-хозяйственных рабочих, в феврале же месяце в Седлецкой и Петроковской губ. началось крестьянское движение, но оно не достигло и не достигало позже в Польше широких размеров. Так, в Петроковском уезде 24-го февраля толпа крестьян в 150 человек из Уминской и Ленчковской гмин вырубила лес в казенном лесничестве и не хотела возвратить. В Петроковском же уезде 2-го марта крестьяне сел Живоцин, в числе около 400 человек, разобрали постройку на усадьбе лесника майоратной дачи Васильево и т. д. и т. д Вообще крестьянское движение в Польше проявилось слабее движения сельско-хозяйственных рабочих и скоро затихло.

6.

Гораздо значительнее по своим размерам и по своей организованности и сознательности было крестьянское и батрацкое движение в Прибалтийском крае, в нынешней Латвии и Эстонии.

В феврале месяце, первыми забастовали малоземельные крестьяне-арендаторы Рижского уезда, обремененные крайне тяжелыми условиями аренды. Они выставили ряд экономических требований и до исполнения их отказались от уплаты аренды и несения всяких повинностей.

Они устроили несколько собраний для обсуждения своих дел. Забастовка кончилась удовлетворением некоторых требований крестьян.

В марте вспыхнуло уже более сильное движение среди батраков Курляндии и Лифляндии, перешедшее во всеобщую забастовку.

К тому времени в деревнях уже организовались группы социал-демократов, руководившие движением, распространявшие социал-демократическую литературу и устраивавшие митинги. Так, в начале марта состоялось два митинга, на которых были батраки из разных имений и где было решено начать забастовку.

Третий митинг состоялся вскоре в той же местности около церкви. Во время богослужения, в церковь вошли несколько человек, развернули красное знамя и пригласили народ выйти из церкви на собрание.

Стачка началась в марте, охватила значительную часть Курляндии и распространилась также на Лифляндию. Батраки прекратили всякие работы на помещиков и пред'явили целый ряд экономических требований: 1) увеличение заработной платы до 300 р. в год и выдачу ее только деньгами, а не продуктами; 2) устройство квартир: для семейных—2 комнаты с кухней, для одиноких—1 комнату, 3) отмену т. н. женских рабочих дней и т. д.

Землевладельцы сначала не хотели вступать ни в какие соглашения с забастовщиками. Некоторые выписали драгун и казаков, но это не помогло. Забастовка продолжалась, работы останавливались, местами рабочие насильственно снимались с работ. По отношению к тем помещикам, которые вытребовали солдат и отказались вступать в переговоры со стачечниками, был об'явлен бойкот, причем было воспрещено исполнять все работы, даже кормить скот и доить коров. Работы эти пришлось исполнять женам и дочерям помещиков — баронессам или солдатам, размещенным в имениях.

Забастовка сопровождалась демонстрациями и митингами.

6 марта произошла большая демонстрация 2.000-ной толпы в Гренцгофе в Курляндии. В Лифляндии в Лаздонской вол. в демонстрации участвовало до 6.000 человек и т. д. При этом толпа иногда заставляла наиболее ненавистных лиц из пасторов, полицейских, баронов и проч. участвовать в демонстрации и нести красные флаги.

Центром забастовок были Газенпотский, Гробинский, Гольдингенский и Виндавский уезды, причем только в двух уездах «беспорядки» охватили 62 имения.

Для того, чтобы прекратить сношения войск и полиции, стачечники стали срубать телефонные столбы и портить провода. Это облегчало беспрепятственно устраивать митинги и демонстрации.

Первая стачка батраков закончилась в апреле, причем многие требования их были удовлетворены. В забастовке принимали участие лишь помещичьи батраки, крестьянские же батраки и арендаторы участия в забастовке не принимали. Забастовка сильно подняла настроение крестьянских масс, подготовила ее к новому более широкому движению, которое снова возникло летом и осенью того же года, и укрепило влияние с.-д. организации.

1 мая было отпраздновано сельскохозяйственными рабочими однодневной забастовкой, митингами и многолюдными демонстрациями.

В мае движение затихает, но в июне оно принимает обширные размеры и ясно выраженный политический характер. Начинается бойкот казенных учреждений, местных властей и администрации. Винные лавки закрываются, причем вся водка сжигается, а выручка конфискуется революционными комитетами. Движение выражается также в митингах, демонстрациях и забастовках.

7.

В Закавказье движение вспыхивает также в конце февраля и в начале марта, причем проявляется в самых различных формах. Горийский уездный предводитель дворянства кн. Багратион-Давидов об'езжает сельские общества, где брожение крестьян, направленное против помещиков, приняло более острый характер и выразилось в сходках крестьян и бойкоте помещиков, у которых ушла вся прислуга и все служащие. Многие сельские хозяйства, оставшись без рабочих, принуждены были приостановить все работы. Увещания кн. Багратион-Давидова не привели ни к чему и движение крестьян вскоре захватило все села и деревни Горийского уезда. 2 марта на ст. Гоми, Закавк. ж. д. наблюдалось огромное стечение крестьян близ лежащих деревень. Результатом этого схода было предложение всем крестьянам прекратить общение с помещиками и у последних стала уходить прислуга. Сельскохозяйственные работы были приостановлены.

По официальному сообщению в ночь на 5-е марта в Шаропанском уезде сожжены сельские управления Карачульское, Мутурское, Саханское, Хреитское и Квалитское. В ночь на 6-е марта в селении Рее Зугдидского у., в имении принцессы Мюрат толпою до 300 крестьян оказано вооруженное сопротивление приставам и полицейской страже, командированным с офицером для ареста зачинщиков крестьянского движения. При задержании пяти обвиняемых толпа, окружив команду, требовала освобождения арестованных и, получив отказ, начала стрелять в стражников. Во время перестрелки убито из толпы несколько человек. В ту же ночь сожжена дидинесская сельская канцелярия. 14 марта в Цхинвальском участке разгромлена дицкая сельская канцелярия; в метерском обществе насильно удалены сельские должностные лица, закрыты сельские управления, отобраны у помещиков какие-то подписки и удалена прислуга. Крестьяне цукарского, дицкого, белотского, шиндинского обществ, собравшись, принудили священника привести их к присяге на единство и т. д. и т. д.

При разгроме сельских канцелярий уничтожались дела, бумаги.

Брожение перешло в Тифлисский уезд.

«Уездная администрация была вынуждена покинуть свои посты; суд бездействовал, так как гурийцы отказались прибегать к установленному суду и администрации».

Местная администрация, напуганная усилившимся движением, пытается принять меры для его успокоения и подавления.

Приказом 18 февраля Озургетский уезд Кутаисской г. и Кинтришский участок Батумской области об'являются на военном положении.

В то же время генерал Малама командирует в Озургетский у. Султан-Крым-Гирея, которому поручено об'ехать все сельские общества Гурии, ознакомиться с мурзами населения, выяснить причины неудовольствия и об'явить, что все законные и справедливые ходатайства, если они окажутся в пределах власти главнокомандующего, будут удовлетворены немедленно; ходатайства же, выходящие из пределов прав местной власти, будут доведены до сведения «царя».

Султан-Крым-Гирей, в сопровождении переводчика и секретаря об'ехав Гурию, собирал крестьянские сходы и выслушивал требования крестьян.

На сходках обыкновенно выступал один или несколько депутатов и излагал свои нужды и требования. Так, по сообщению «Цнобич-Пурцели», в селе Кидистави, где обнаружилось более сильное движение, состоялась сходка более 2.000 человек мужчин и женщин. После речи Крым-Гирея были избраны 25 депутатов, в том числе три женщины. Депутаты заявили, прежде всего, о необходимости обеспечения им свободы слова и личной неприкосновенности. После этого депутаты стали излагать свои требования.

Требования крестьян всех посещенных селений сводятся к следующим пунктам:

1) Конфискация всех удельных, церковных и монастырских земель и передача их в безвозмездное пользование всего трудового народа.

2) Передача в полное распоряжение крестьян земель как помещичьих, так и казенных. Земли эти должны перейти в руки крестьян безвозмездно. Выкупные платежи, взятые с крестьян, должны быть возвращены полностью.

3) Учреждение выборных крестьянских комитетов для прове-

дения в жизнь земельной реформы. Выборы в комитеты должны быть всеобщими, равными и тайными.

4) Уничтожение всех косвенных налогов и установление прогрессивного подоходного налога, причем доходы ниже определенной нормы должны быть освобождены от всякого обложения.

5) Уничтожение сословий и установление полного равенства всех перед законом. Свобода передвижений и уничтожение паспортной системы.

6) Полная самостоятельность населения в деле организации самоуправления в селениях, обществах и округах.

7) Свобода слова и печати, свобода собраний, союзов, стачек, свобода совести.

8) Неприкосновенность личности и жилища.

9) Выборность судей и ответственность чиновников перед народом.

10) Уничтожение постоянной армии и введение всеобщего вооружения народа.

11) Отделение церкви от государства. Содержание духовенства должно быть предоставлено тем лицам, союзам и обществам, которые желают пользоваться услугами духовенства.

12) Светская школа. Устранение духовенства от обучения и воспитания молодежи.

13) Обязательное обучение детей до 16-тилетнего возраста: всеобщее, бесплатное, без различия пола.

14) Созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия пола, национальности и вероисповедания.

Кроме того, крестьяне требовали немедленного освобождения всех арестованных, высланных и сосланных по политическим делам и за борьбу крестьян с помещиками и духовенством.

В Горийский уезд, «для выяснения нужд крестьян уезда», отправился д. с. с. Вейденбаум, услышавший здесь те же требования, как и Крым-Гирей.

В Душетском уезде комиссия для переговоров с крестьянами пригласила в Мухранскую сельскую канцелярию представителей трех селений.

Но вместо них собрались жители 14 селений, около 1.000 вооруженных крестьян, выставивших требования, аналогичные с пред'явленными Крым-Гирею, причем поставили ультиматум: «для исполнения в точности дается срок до 14 марта (сходка состо-

лась 6 марта). после чего они получают полную свободу действий».

Из изложенных требований видно, что уже в это время крестьянское движение в Закавказье находилось под руководством социал-демократов. Даже такое требование, как «возвращение полностью выкупных платежей», было выставлено под влиянием социал-демократов.

Фактически уже во время об'езда Гурии Крым-Гиреем там везде было введено народное самоуправление и руководящую роль играли с.-демократические комитеты. Судебные функции исполнялись или сходами, или выборными комитетами, ответственными перед сходами.

Крестьянские комитеты вынесли, между прочим, такие постановления:

1) Воспретить крестьянам винокурение, за которое они уплачивали высокий акциз, и запретить употребление водки.

2) Установить таксы за духовные требы.

3) Комитеты постановили, чтобы никаких грабежей и разбоев больше не было. Значение и авторитет комитетов были так велики, что в течение 6 — 8 месяцев было только несколько случаев воровства и виновные понесли наказание. Наказания были назначены комитетами следующие: за первое нарушение постановления комитета — бойкот, за второе — изгнание из пределов Гурии, за третье — смерть.

4) Комитеты постановили: народ должен прекратить всякие сношения с администрацией — и никто из гурийцев, под страхом смерти, не должен занимать административные места.

Земля фактически была отобрана у помещиков. В каждом селе была образована особая выборная комиссия, которая распределяла все имеющиеся земли между жителями села.

Школы были реформированы. Учителя приглашались по рекомендации «союза школьных учителей Кутаисской губ.».

Такое самоуправление в Гурии сохранилось до начала 1906 г., когда назначенный генерал-губернатором ген. Алиханов приступил к усмирению Грузии.

Одновременно с движением в Закавказьи в начале 1905 г. началось сильное движение осетин, расположенных на северных склонах Кавказа.

Движение началось с порубок лесов, отнятых у осетин в казну. Усилились столкновения с об'ездчиками и население взялось за оружие. «В короткое время леса были очищены от лесной стражи. Последней было предложено или удалиться навсегда или подвергнуться риску быть убитым. Несколько десятков лесных сторожек и караулок было сожжено. Лес снова сделался общественным достоянием, однако, жители еще не оказались в состоянии собственными средствами урегулировать пользование лесом и, боясь, что правительство постарается отобрать лес снова, они довольно хищнически начали истреблять лес.

«Со времени этой борьбы за лес (начало 1905 г.) в жизнь горцев начинает проникать созидающее и организующее начало в лице осетин социал-демократов». Движение разрастается. Обеспокоенная администрация командирует особое лицо, которое должно собрать представителей всех горских обществ, «об'явить им о милостях правительства и выслушать просьбы и жалобы».

Представители осетинских обществ, собравшись, предварительно выработали ряд требований, а затем подробно изложили свои нужды.

Результатом начавшегося брожения среди горцев было опубликование новых правил о выборности старшин, а также обещания многих льгот, если население будет вести себя спокойно. Но движение остановить уже было невозможно. Оно разрасталось все сильней; например, в Курташинском ущелье было введено революционное самоуправление.

Кроме перечисленных нами пунктов крестьянского массового движения в начале 1905 г., крестьянские беспорядки вспыхивали в отдельных пунктах и других районов.

От перечисленных о ч а г о в движения оно в следующие месяцы распространяется вширь. В первых числах апреля крестьянское движение отмечается в Харьковском у. (порубки), под Москвой, в Коротоякском у. Воронежской губ. (запашка помещичьих земель), в Царицынском и Балашовском уездах Сарат. г., в Богородицком у. Тульской губ. (разгром имения), в Кишиневском у. Бессарабской губ., в Кирсановском у. Тамб. г., в окрестностях Ревеля, в Джеванширском у., в Макарьевском и Васильсурском у. Нижег. г., в Таврической, Пензенской и др. губерниях.

Летом 1905 г. в центральном черноземном районе, вследствие неурожая хлебов и трав, голод заставил крестьян сначала захватывать луга и выпасы, а потом и хлеб. Например, в Аткарском

уезде, вследствие бескормицы, чуть не все крестьяне стали захватывать частновладельческие луга. В Бобровском у. были случаи захвата лугов по установленным сельскими сходами ценам. Движение охватило: Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский, Самарский, Корсунский, Аткарский, Петровский, Балашовский, Саратовский, Камышинский, Бобровский, Городищенский, Вязниковский, Меленковский, Суйский, Лебединский, Елецкий, Александровский, Херсонский, Тираспольский, Брестский, Вилькомирский и Новоалександрийский уезды. В конце июня были разобраны и сожжены две помещичьи усадьбы в Саратовском у. В Балашевском, Аткарском, Петровском и Верхнеднепровском у. после уборки ржи крестьяне стали ее свозить к себе на гумна. Местами сжигались скирды хлеба.

Между тем, в течение лета движение среди крестьян усиливалось в виде митингового и приговорного движения. Агитация среди крестьян в течение лета также расширилась, но широкое движение вспыхнуло лишь в октябре месяце и особенно после манифеста 17 октября, сыгравшего в революции огромную роль.

К осени, как известно, борьба общественных классов в России достигла наивысшей степени напряжении. Среди крестьянства это напряженное состояние выразилось в самых разнообразных формах широкого движения.

8.

Из приведенного выше обзора крестьянского движения видно, что характер его в различных областях страны был не одинаковым и определялся, главным образом, хозяйственными условиями каждой местности. Но общей чертой крестьянского движения всех местностей является то, что движение начинается с предъявления экономических требований. Исключение из этого правила, повидимому, представляет крестьянское движение в Гурии, но это произошло только потому, что чисто экономическое движение там происходило еще в 1901—1903 годах и движение в начале 1905 г. было непосредственным продолжением предыдущего движения, во время которого и укрепилось влияние социал-демократии.

Таким же путем развивалось движение и в других местах. Направленное сначала исключительно против землевладельцев, в форме ли забастовки, бойкота, потрав и, наконец, разгромов, движение наталкивается на правительственную власть, с одной сто-

роны, и сталкивается с революционерами — с другой. Последние придают более сознательный и планомерный характер движению: на ряду с экономическими требованиями начинают выдвигаться политические. В зависимости от влияния политических партий, главным образом, революционеров, этот характер движение принимает раньше или позже. Так, в Прибалтийском крае, уже вскоре после начала движения, оно принимает характер не только борьбы с землевладельцами, но и характер политических демонстраций, между тем как в Центральной России политические требования крестьян, как увидим, появляются только после 17 октября.

Точно также почти в о в с е х районах начало движения происходило без участия революционных партий. Только в процессе борьбы крестьянская масса начинает прислушиваться к революционерам и подчиняться их влиянию, которое выражается, главным образом, в том, чтобы внести планомерность в стихийное движение. Из этого ясно, что искать причин крестьянского движения нужно не в революционной пропаганде, а в экономических условиях, которые крестьяне стремились тем или другим путем изменить.

Эти экономические отношения влияли н а ф о р м ы движения. В Юго-Западном крае, Польше и Прибалтийском крае, где ведется уже капиталистическое земледельческое хозяйство, где крестьяне работали, главным образом, поденными и сроковыми рабочими в помещичьих экономиях, крестьянское движение приняло характер стачечного движения, сходный с рабочим движением в городах.

Напротив, там, где крестьяне арендовали земли, движение имело целью понизить арендные цены, или выражалось в нападениях на экономии с целью выжить помещика в надежде, что тогда земля достанется крестьянам. Иногда, впрочем, и стачки имели целью сделать невозможной экономическую запашку. С этой целью назначалась такая высокая плата за сельскохозяйственные работы, которую, по мнению крестьян, хозяйство не может выдержать. Но и такого рода стачки распространялись впоследствии, главным образом, в черноземном районе. Причиной стачечного движения было повышéние цен на жизненные продукты и понижение, благодаря этому, заработной платы. Причиной аграрного движения крестьян центральной России и Закавказья было разорение арендного хозяйства, вызванное повышением арендных цен.

Так как главными арендаторами являлись более зажиточные крестьяне, то в беспорядках, которые происходили в районах

арендного крестьянского хозяйства, близкое участие принимали, а иногда играли и руководящую роль более зажиточные крестьяне, лавочники и пр. Эта часть деревенского населения стала враждебно относиться к движению уже впоследствии, когда, потерявши надежду захватить помещичью землю, могла на основании закона 9 ноября расширить свое землевладение на счет общинных земель.

Напротив, в районах стачечного батрацкого движения в Польше и Прибалтийском крае со стороны самостоятельных крестьян замечалось иногда враждебное отношение к стачечникам.

IV.

Причины движения.

Мы выше заметили, что при начале движения, пока не было влияния на крестьян политических партий, оно имело характер чисто экономического движения. Поэтому, в начале движения, в требованиях крестьян его экономические причины видно яснее, чем впоследствии, когда общее политическое движение всех слоев населения захватило и крестьян.

На высоту арендной платы, как на основную причину крестьянского движения центральной России, указывают не только сообщения корреспондентов о крестьянских беспорядках, но и сами крестьяне в своих приговорах. Повышение арендных цен дошло до такой высоты, что мелкое хозяйство разорялось. С этим можно было бороться или понижением арендной платы, или разделом помещичьих земель. Крестьяне и добивались или того или другого.

Для характеристики движения и его причин, приведем несколько примеров требований крестьян в первую половину 1905 г., изложенных мною более подробно в «Крестьянских движениях»*).

Во многих случаях констатируется, что капиталистическая аренда стала вытеснять мелкую крестьянскую. Это ставило крестьян в безвыходное положение, и они требуют понижения для них арендной платы и прекращения сдачи земли богатым арендаторам.

В с. Полотове, Тамбовской губ., Кирсановского у., крестьяне постановляют приговор, чтобы земли на отработки не брать, а сни-

*) П. Маслов. „Крестьянские движения", вып. I и II.

мать только за деньги. Арендную плату за десятину земли ни в каком случае не поднимать выше 15 р.

Однородный приговор составлен был и в Богословской волости и пред'явлен помещику. Последний не согласился на предложенные условия, земля была у него не разобрана и в имении была расквартирована рота солдат, которые и исполняли работы по имению. У Петрово-Соловово также не было взято крестьянами ни одной десятины.

У землевладелицы Масловой, согласившейся на предложенные условия, земля была разобрана и засеяна.

В Хованщине Сердобского у., Саратовской губ., крестьяне постановили приговор, по которому мужики не должны поденно работать дешевле 1 р. 50 к. (вместо 30 к.), а женщины дешевле 75 к. (вместо 20 к.) в день. Постановляется арендовать землю обществами, а не в одиночку. «Землю (арендовать) больше по той цене не будем, а если желают они продавать (сдавать) по 5 р. за десятину, то будем покупать (арендовать)... желаем покупать всем обществом... а не только одни богатые».

«Крестьяне во многих местах не хотят платить безбожно высокой платы за аренду земли, какую платили раньше». Напр., в Воронежской г., в имении гр. Толстых (Острог. у.) крестьяне отказались арендовать землю, пока экономия не понизила арендную плату. В экономии Звянцево (Бобровск. у.) пришлось каждому арендатору дать бесплатно по одной десятине земли на один посев. В некоторых местах Саратовской г. крестьяне добились понижения аренды. В Острогожском у., Воронежской г., в с. Сагунах, крестьяне заявили землевладельцу, что они скосят луг, но не по той цене, по которой он уже сдан другим лицам, а гораздо дешевле. В Корсунском у, Симбирской г., в селе Берешках, крестьяне подали землевладелице просьбу об улучшении условий аренды, с угрозой, что при неудовлетворении просьбы произойдут последствия «весьма грустные».

В Киевской г. около Белой Церкви крестьяне многих деревень добивались, чтобы гр. Браницкая сдавала смежные их наделам поля им, а не богатым арендаторам, а также не оставляла этих полей в своем хозяйстве.

В Орловской и Пензенской г. в некоторых местах крестьяне отказались снимать землю в аренду. В Балахнинском у. крестьяне требовали восстановления прежн-

них арендных цен. В Балтском у., Подольской г., в имении Абамелек-Лазарева крестьяне потребовали изъятия земли от богатых арендаторов и отдачи крестьянам земли в аренду на прежних условиях и т. д. и т. д.

В некоторых случаях, особенно в юго-западном крае, ясно обнаруживается, что капиталистическая аренда уже вытеснила крестьянскую, и крестьяне должны были прибегнуть к силе, чтобы заставить землевладельцев сдавать им землю по пониженным ценам, а не богатым арендаторам. Борьба на почве рыночной конкуренции для экономически обессилевших крестьян уже стала невозможной и они стали бороться за свое существование «не рублем, а дубьем».

На этой же почве происходят насильственные запашки помещичьих земель, потравы и проч. При невозможности арендовать выгон, луг, пашню, крестьяне захватывают их даром... Обыкновенно потравы, выкосы лугов и пр. являлись первыми предвестниками начинающегося движения.

В районах, где уже укрепилось капиталистическое хозяйство, где аренда помещичьих земель уже не являлась для крестьян необходимым подспорьем, движение выразилось, как мы видели, в борьбе за повышение заработной платы и формы аграрного движения были уже другие.

Указом 18 февраля 1905 г. было предоставлено право подавать петиции.

Петиционная форма движения, благодаря этому, после 18 февраля приняла довольно широкие размеры.

Эта форма движения в течение лета и особенно осенью 1905 г. и в 1906 г. сыграла крупную роль не только потому, что составляя приговоры, крестьяне организовались на этой почве, но и потому, что выработка требований содействовала развитию сознания широких народных масс.

В петициях крестьяне также жалуются на непомерное повышение арендных цен и на малоземелье. Так, три волостных схода Бобровского у., Воронежской г. отправили непосредственно царю телеграмму, где просили обратить внимание на их малоземелье и непомерно высокую арендную плату, поднявшуюся за последнее время 7—8 до 25—35 р. в год за десятину.

Крестьяне двух деревень Елисаветградского у., Херсонской г., послали приговор, в котором указывают на малоземелье и высокие арендные цены, как на причины своего обеднения.

Крестьяне села Чирикова, Балашовского у., Саратовской г., пишут в комитет министров, что главная причина их бедствия малоземелье и высокая арендная плата за земли, совершенно недоступная для крестьян. Из д. Петровки того же уезда жалуются, что арендная плата с каждым годом растет и дошла до 20 р. за десятину. «Такую высокую плату земля оправдать не может. Как нам жить дальше, чем платить подати и кормиться самим, мы не знаем»... и т. д. и т. д.

На ряду с жалобами на свои местные нужды крестьяне делали указания и на общеполитические условия, но эти указания в первый период, в начале и в середине 1905 г., занимали второстепенное место. Крестьянам еще не выяснилась связь общего политического и социального строя с их положением. Лишь в конце 1905 и в 1906 году, особенно в период деятельности первой Государственной Думы, когда политические партии подошли ближе к крестьянству, крестьяне в своих приговорах выставляют широкие программные требования той или другой политической партии, которые наиболее, по мнению крестьян, отвечают их потребностям. В такого рода приговорах уже не так выпукло выдвигаются местные потребности.

Корреспонденты, писавшие о причинах крестьянского движения, указывают, как на главную причину его развития, — на малоземелье.

Но малоземелье было и раньше. Оно стало более чувствительным в особенности тогда, когда малоземельные крестьяне, вследствие сокращения своих средств и повышения арендных цен, уже не в силах оказались арендовать помещичьи земли. Таким образом, мнения корреспондентов не противоречат установленным выше причинам крестьянского движения. Ведение хозяйства было возможно для малоземельных крестьян, пока они могли пополнять свой доход сбором хлеба с арендуемых земель, хотя, как мы указывали, этого было недостаточно и крестьяне все-таки разорялись. Когда же арендные цены еще более повысились, и когда землевладельцы стали сокращать сдачу земель малоземельным крестьянам, последние оказались в безвыходном положении и тогда стало особенно чувствительно малоземелье.

Даже в многоземельных районах корреспонденты указывают, как на причину движения, на малоземелье.

Так, в Кубанской области корреспондент причиной движения считает малоземелье. В Бессарабской — малоземелье; в области войска Донского — малоземелье. Отсутствие лугов и лесов. В Екатеринославской — только в одном случае указывается на неурожай, в остальных случаях на малоземелье. В Самарской — малоземелье и безземелье, в Таврической — малоземелье, в Херсонской — малоземелье и высокая арендная плата и т. д. и т. д.

Таким образом, повышение арендной платы и разорение крестьянского хозяйства и относительное понижение заработной платы, происшедшие накануне революции, толкнули крестьян на борьбу за понижение арендной платы и за повышение заработной платы. Дальнейшее развитие аграрного движения крестьян и политического движения других классов населения неизбежно натолкнуло крестьян на путь политической борьбы и на отобрание земли у помещиков, мысль, которая бродила у крестьян и раньше, имея корни в далеком прошлом, что государство за налоги и повинности крестьян должно прирезать им землю, которой у них стало мало.

V.

Отношение правительства и политических партий к движению.

Вспыхнувшее в феврале и марте крестьянское движение застало врасплох и правительство и помещиков. Последние в панике бежали из своих имений в губернские и уездные города, чтобы спастись от погромов и посоветоваться о прекращении крестьянского движения. Впрочем, такого рода совещания, хотя кое-где и происходили, но ни к чему не привели. По словам «Приднепровского края», в Харькове небывалый с'езд сельских хозяев и их управляющих. «В оружейных магазинах Харькова не имеется в продаже ни одного револьвера—все раскупили». Многие землевладельцы стали организовывать вооруженные отряды из своих служащих.

По мере прекращения весенних беспорядков землевладельцы стали оправляться, и уже летом 1905 г. реакция начинает организовываться. В Саратове организуется «русский союз землевладельцев»,—сначала «тайное общество», с целью «борьбы с револю-

цией». В сентябре этот союз легализовался и организовал отделения в Саратове, Москве и Петербурге. Но пока народное движение развивалось, этот союз не решался ничем проявить себя, а лишь тайком подготовлял, вместе с некоторыми представителями администрации, нападение на освободительное движение...

Правительство, со своей стороны, также ничего не предпринимало, кроме усмирения военной силой волновавшихся крестьян и кроме нескольких указов, которые не могли повести к успокоению крестьян. Мы упоминали выше об указе 18 февраля, которым было предоставлено право «всем верноподданным, радеющим об общей пользе и нуждах государственных» подавать петиции царю по вопросам «улучшения государственного устройства и народного благосостояния». Этим указом широко воспользовались крестьяне, чтобы сформировать свои требования, чтобы собираться обсуждать не только свои местные дела, но и обще-государственные. Агитаторы политических партий использовали этот указ для более широких агитаций в крестьянских массах. Указом 30 марта было упразднено особое совещание о нуждах сельского хозяйства, а вместо него учреждено, под председательством И. Л. Горемыкина, «особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения». Разумеется, и этот указ не мог устранить причин крестьянского движения.

Указом 10 апреля устанавливаются особые временные комиссии в местностях, где были беспорядки: 1) для следственно-полицейских целей, по выяснению участников беспорядков среди крестьян, и 2) для определения размеров убытков. Эти комиссии должны были составляться предводителями дворянства из председателей земских управ, уездных исправников, земских начальников податных инспекторов и одного или двух гласных. Но в этот период в земствах еще преобладали либеральные течения, и земцы бойкотировали комиссии.

Наконец, указом 5 апреля были сложены с населения недоимки по продовольственному долгу, а указом 6 мая учрежден «комитет по земельным делам». Все эти указы не могли повлиять на крестьянское движение. Оно подавлялось исключительно военной силой, причем часто происходили столкновения, кончавшиеся убийством крестьян, массовыми арестами, а местами и поркой. Некоторыми губернаторами (ген. губ. юго-западного края, губ. Петроковской и Люблинской губ.) были изданы обязательные постановления о предании военному суду, для суждения по зако-

нам военного времени, крестьян, «виновных не только в нападении на помещичьи усадьбы», но и пред'явлении помещикам разных, сопровождаемых угрозами и насилиями, требований».

Земства также делали слабые попытки повлиять на крестьян, но эти попытки не имели никакого успеха. Так, после известного приема царем 6 июня депутации земцев, некоторые, тогда еще либеральные, земства пытались разослать по деревням сообщение об этом приеме, но местная администрация в большинстве случаев не допускала их распространения.

В конце лета и в начале осени многие земства стали приглашать в экономические советы представителей крестьян, с целью смягчить обострившиеся отношения между ними и землевладельцами. На совещаниях, организованных земцами, крестьяне очень резко выставляли свои требования; на некоторых совещаниях решено было организоваться в «крестьянский союз». Например, в Сумах крестьяне самовольно явились на заседание с.-х. общества в количестве около 5 тыс. человек. Заседание не состоялось, но крестьяне устроили собрание около земского дома.

Более всего в период крестьянского движения укрепилось и расширилось влияние революционных партий. Если реакционеры, в период развития движения, были пугливы, слабы и нерешительны, то, с другой стороны, революционеры обнаружили колоссальную энергию.

Как только началось крестьянское движение, так начинается усиленная агитация революционеров в деревнях. Ораторы пользуются огромным успехом и раз'езжают неутомимо по деревням. Крестьяне начинают даже искать «ораторов».

Влияние революционных партий в значительной степени определялось также экономическими условиями. Деятельность социал-демократов в деревне сосредоточивается, главным образом, в районых с более развитыми капиталистическими отношениями в деревне, в Малороссии, юго-западном крае, Литве, Прибалтийском крае, в горнозаводском Урале, на Северном Кавказе и в Закавказье. Влияние социал-революционеров сосредоточивается больше в районах господства крестьянской аренды, в особенности в Саратовской и смежных губерниях центрального черноземного района.

Под влиянием агитации организация крестьян быстро росла, но она не была прочной. Вследствие общего возбуждения агитаторы спешили захватить наиболее широкий район и, благодаря этому, их связь с деревней и влияние, в большинстве случаев,

были мимолетными. Поэтому только в таких районах, как часть Малороссии и юго-западного края, Прибалтийский край и Грузия влияние социал-демократии упрочилось и сохранилось даже в эпоху реакции. В других местах, если появляется социал-демократ, крестьяне соглашаются с ним, если появляется социал-революционер, они и с ним соглашаются. Представители и той и другой партии, не упрочивая своего влияния в центральных губерниях, лишь бросали в народную массу новые идеи, вызывая идейное брожение, пытались одновременно организовать крестьян, но прочной организации не могло быть не только вследствие отсталости и распыленности крестьян и проявившегося впоследствии противоречия интересов в их среде, но и вследствие мимолетности столкновений крестьян с представителями революционных партий.

Некоторые агитаторы об'езжали обширный район, созывали многолюдные и многочисленные митинги и тут же организовывали комитеты, которые росли, как грибы. Но когда наступили отлив движения и реакционная волна, эти организации так же быстро исчезли, как и появились.

Деятельность революционеров в некоторой степени влияла и на характер аграрного движения, хотя основной причиной, определявшей формы движения, были экономические условия. Но так как при различных экономических условиях имели влияние и различные партии, то связь между характером движения и политическими партиями вполне естественна. В районе арендного хозяйства, с преобладанием погромного движения, преобладало влияние социал-революционеров, а в районах стачечного движения влияние социал-демократов. Вообще, повидимому, там, где было влияние соц.-демократов и крестьянского союза, погромов и поджогов было меньше, и движение было более организованным. Впоследствии, когда организация крестьянского союза была разрушена, начались массовые поджоги там, где раньше было более организованное движение.

Наконец, летом 1905 г. усилилась и деятельность реакционеров. Агитацией занимались, главным образом, духовенство и полиция. Начинают издаваться брошюры (например, еписк. Никона), в которых революционеров обвиняют в том, что они подкуплены японцами. Особенно энергично велась агитация в Саратове, где, под покровительством еп. Гермогена, издавались «Братские листки», в которых велась энергичная агитация против учителей и врачей. В с. Елани, под влиянием агитации священников и полиции, кре-

стьяне разгромили школу. Эта агитация и подготовила ряд погромов, которые начались после 17 октября. Благодаря агитации же реакционеров летом 1905 г. возник и крестьянский союз.

VI.

Крестьянский союз.

Наиболее широкой политической организацией, правда, существовавшей короткое время, среди крестьян центральной России был «Крестьянский союз».

Движение, охватившее крестьянские массы должно было рано или поздно натолкнуть на мысль об образовании крестьянской партии. Как мы заметили, в центральном районе в начале движение охватило все слои крестьянства; противоречия их экономических интересов, особенно в центральном районе, еще не выступали резко,—они выступили лишь в период реакции.

Брожение среди крестьян привлекло агитаторов не только партийных, соц.-революционеров и соц.-демократов, но и беспартийных интеллигентов. Идея организации крестьянского союза привлекала как этих беспартийных интеллигентов, так и некоторых соц.-демократов и особенно соц.-революционеров, программа и мировоззрение которых более подходили к такой неопределенной организации.

Первым, толчком, послужившим к образованию союза, послужила попытка московского губернатора г. Самарина склонить некоторые общества крестьян Московской губ. к составлению «патриотических» адресов с выражением готовности продолжать войну и проч... Эта попытка была предпринята для того, чтобы противопоставить революционерам реакционные требования крестьян. Но у московских крестьян, благодаря этому, возникла мысль составлять приговоры противоположного характера, так как сфабрикованные реакционерами приговоры, разумеется, не соответствовали интересам и стремлениям крестьян. В мае месяце прогрессивная часть крестьян устроила в Москве с'езд, который, под влиянием интеллигенции, организовавшейся тогда в союзы различных профессий, постановил организоваться в крестьянский союз. Резолюция об этом была напечатана в газетах и в большом количестве была распространена по всей России.

Организация союза заключалась в том, что центр его составлялся из пяти представителей от каждой губернии. Губернские отделения составлялись из представителей уездов, по 5 от каждого; уездные—по 5 от каждой волости, а волостные—из наличного числа членов, но не менее пяти. В резолюции об организации крестьянского союза указывается на недостатки политического строя, на тяжелое экономическое положение крестьян. «Для достижения всех намеченных (в резолюции) благ народа и впредь до уравнения крестьян с остальными сословиями, учреждается всероссийский крестьянский союз».

Идея образования союза была подхвачена крестьянами и в целом ряде губерний образовались местные крестьянские союзы. Например, в Тульской губ. «уже года три тому назад стали складываться среди крестьян кружки самообразования, особенно в Богородицком уезде. В июне (1905 г.) был с'езд, на котором было решено организовать Тульский отдел Всер. Крест. Союза и начать его организацию в уездах.

В Курской губернии, по словам делегата на Всероссийском с'езде, на образование союза натолкнула крестьян прокламация московских крестьян об образовании крестьянского союза. Она произвела большое впечатление. Были намечены надежные лица и 3-го июня состоялся с'езд 47 выборных от разных уездов. На с'езде был организован союз и были выбраны делегаты на всероссийский с'езд и т. д.

На учредительный с'езд крестьянского союза, происходивший в Москве 31-го июля и 1-го августа, прибыли представители 22 губерний (Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Донской Области). Всего делегатов было больше 100 человек. Некоторые из делегатов представляли приговоры сельских обществ. С'езд, по вопросу о народном представительстве, высказался в пользу самых широких выборных начал. Женщины должны пользоваться как активным, так и пассивным избирательным правом и т. д. По аграрному вопросу было предложено все частновладельческие земли обратить в государственную собственность.

Это решение вопроса наиболее соответствовало мировоззрению крестьян, которые, как мы указывали, и раньше до аграрных вол-

нений, и во время их ожидали от центральной правительственной власти прирезки себе земли.

Первый с'езд крестьянского союза организовал главный комитет союза, но руководящую роль играло «бюро содействия» союзу, которое организовалось на странных началах. Чтобы противодействовать влиянию организованных политических партий (особенно социал-демократов), беспартийные интеллигенты постоянно говорили о «самостоятельности» крестьян и о необходимости организовать чисто крестьянский союз. Но, чтобы сохранить свое влияние, небольшая группа интеллигентов организовала «бюро содействия» при крестьянском союзе и старалась взять в свои руки руководящую роль, но проявила полную политическую несамостоятельность и неопытность, особенно впоследствии, во время деятельности второй Государственной Думы.

В конце октября 1905 г. было разослано по местным комитетам, а потом напечатано в газетах приглашение от комитета всероссийского крестьянского союза, в котором извещались все организации союза о созыве в Москве на 6 ноября 1905 г. второго всероссийского с'езда членов союза. Предлагалось каждому губернскому отделению прислать по два делегата,—одного от губернского комитета, другого от бюро содействия союзу. Уездным организациям также предлагалось посылать по два делегата от уезда.

6-го ноября начались заседания с'езда и продолжались в течение пяти дней, легально, в присутствии корреспондентов от газет. В заседаниях участвовало 187 делегатов от 75 уездов из 27 губерний. Владимирской, Воронежской, Вятской, Донской области, Екатеринославской, Калужской, Казанской, Киевской, Костромской, Курской, Минской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской и Ярославской. 105 делегатов из 187 представили приговоры о полномочиях от волостных и сельских сходов, остальные от местных комитетов.

При обсуждении экономических вопросов, с'езд, вполне естественно, обнаружил малопонимания, так как крестьяне недостаточно знакомы были с народным хозяйством, а интеллигентная часть с'езда, может быть, приспособлялась к крестьянскому мировоззрению, может быть, была также мало осведомлена в экономических вопросах, как и крестьяне.

Например, рабочий вопрос в сельском хозяйстве совершенно

не затрагивался, так как крестьяне, вероятно, полагали, что после превращения земли «в общенародную собственность» наемного труда совсем не будет.

По вопросу о тактике, которому, главным образом, был посвящен ноябрьский с'езд, наметились два направления. Защитники «митингового» и «приговорного» направления отстаивали «мирную» тактику, забастовки, организацию революционного самоуправления и даже «мирные» запашки помещичьих земель, отказы платить подати, давать рекрутов и т. д. Другая часть делегатов, особенно из Саратовской губ., где в это время началось сильное «разгромное» движение крестьян, призывала к вооруженному восстанию, к поддержке начавшегося там движения.

С'езд принял следующие резолюции:

1) Прекратить бедствия народа, проистекающие от недостатка земли, может только переход всей земли в общую собственность всего народа с тем, чтобы пользовались ею только те, кто трудится на земле сам своей семьей, или в товариществе. 2) Установить законодательным путем прочное, справедливое и согласное с волей народа земельное устройство должно учредительное собрание, созванное для составления основных законов государства. Учредительное собрание должно быть избрано всеобщим, равным и тайным голосованием, без различия пола, народности и вероисповедания. . . 3) Учредительное собрание обязано разрешить земельный вопрос на благо народа и согласно его требованию. 4) Крестьянство, об'единенное в один великий всероссийский союз, добьется удовлетворения своего требования о созыве учредительного собрания. 5) Крестьянский союз берет на себя руководство действиями крестьянства и войдет в соглашение с союзами рабочих, а также с организациями, защищающими интересы трудящегося народа. 6) Чтобы ускорить передачу земли народу, постановлено: не покупать земли у владельцев; в случае, если требования народа не будут исполнены, крестьянский союз прибегнет к забастовке: откажет владельцам хозяйств в рабочей силе. 7) На преследование крестьянского союза он ответит отказом в уплате податей, поставке рекрут и запасных, потребует из сберегательных касс и банков все свои вклады и крестьянские капиталы и закроет все винные лавки. 8) Постановляет прекратить употребление вина.

Этот с'езд состоялся уже после 17 октября, когда народное движение достигло высокого развития. После ноябрьского с'езда

крестьянский союз начинает падать. Вскоре после с'езда представители бюро союза были арестованы и начались преследования союза на местах. Были разосланы исправникам циркуляры, в которых предписывалось подвергать обыску и аресту агитаторов, действующих от имени крестьянского союза.

Хотя после ноябрьского с'езда в некоторых местах происходили районные с'езды, но они имели уже второстепенное значение.

В марте 1906 г. в Москве собрался 3-й с'езд союза, на котором были представители от 18 губерний, но этот с'езд имел мало значения. В 1907 г была попытка нового с'езда, но значительная часть его участников была арестована.

Во время деятельности второй Государственной Думы представители крестьянского союза пытались организовать в трудовой группе автономную группу крестьянского союза, но эта попытка не имела ни смысла, ни значения, так как группа трудовиков отражала те же интересы и настроения крестьянских масс. . .

Крестьянский союз в свое время, в 1905 г. и первой половине 1906 г., сыграл большую роль в крестьянском движении, организуя те элементы крестьянства, которые не могли идти за революционными лозунгами революционных партий. Он об'единил, правда, на короткое время, группы крестьян, отражая их настроение неопределенностью и программы и тактики. Из дальнейшей характеристики крестьянского движения 1905—1906 годов будет видно, что крестьянское движение развивалось своим путем, но в некоторых местах крестьяне организовались под знаменем крестьянского союза, который нравился крестьянам своим названием и требованием земли для крестьян.

VII.

Крестьянское движение после 17 октября.

1.

После весеннего массового движения летом 1905 г. наступает некоторое затишье в том смысле, что беспорядки не охватывают таких сплошных районов, как было весной. Хотя в течение лета во многих местах крестьяне захватывали луга, делали порубки лесов, а после уборки хлебов свозили их себе на гумна, но это

были отдельные случаи, которые не беспокоили особенно ни правительство, ни помещиков.

Крестьяне, узнавши об указе 18 февраля, пытаются путем приговоров ознакомить правительство со своим положением и «приговорное» движение местами охватывает сплошной район. Так, в Донской области, осенью движение охватило весь Донецкий и часть Черкасского округа. В Саратовской губернии были составлены петиции и приговоры в селениях Ивановке, Чирикове, Трубчине, Ключах, Двоенках, Кочетовке, Широком, Дмитриевке Балашовского и Аткарского уездов, в Поповке Саратовского у. и т. д.

Но власти и на это движение смотрели, как на опасное, аресты же «зачинщиков» ослабляли его, разрушая надежды крестьян на мирный выход из их положения.

Только в одной Саратовской губ. за лето 1905 г. было приговорено в административном порядке губернатором до 600 крестьян на разные сроки до 3-х месяцев. Отряды казаков постоянно путешествовали по «беспокойным» уездам, бесчинствуя там. Все это, разумеется, лишь озлобляло крестьян и толкало их на другой путь борьбы . . .

Между тем, благодаря неурожаю хлебов в 1905 г. положение крестьян центрального черноземного района, особенно после неурожая 1904 г., сделалось еще более тяжелым: грозил голод.

Таким образом, к осени положение настолько обострилось, что нужен был лишь повод, чтобы движение вспыхнуло с небывалой силой. Поводом к осеннему движению послужил манифест 17 октября и поведение администрации.

С появлением манифеста 17 октября агитация реакционеров при поддержке правительства усиливается, а местная администрация и духовенство всеми силами стараются воспрепятствовать ознакомлению населения с манифестом. Разумеется, слухи о манифесте, который дает «свободу», быстро распространились. Население не могло не знать также и о всеобщей октябрьской забастовке, когда всюду прекратилось железнодорожное сообщение. Утаивание манифеста привело лишь к тому, что «свобода», которую он обещал, толковалась реакционерами, как свобода в течение определенного срока громить евреев и интеллигенцию, а крестьянами п о н и м а л а с ь, как свобода громить помещиков в течение определенного срока (обыкновенно в течение трех дней).

Все политические события 1905 г., агитация и проч. бросили в крестьянство такую массу идей, фактов и впечатлений, что кре-

стьяне не могли сразу во всем разобраться и отвечали на все эти события крайне разнообразно. Как понимались, например, газеты, можно судить по следующему рассказу крестьянина Яновской волости, Донецкого округа.

— «Читаем газету на вокзали. А там просют помощи. З н а ч и т, щоб робить забастовку. Пійтти на сход. Все, як слід, «имели суждение» и приговором приговорили: іти до пана з з а б а с т о в к о ю. Прійшли. Зараз собак з ружіев, прикащиків—у винбар (амбар) з а б а с т у в а л и. Пішли ділить хліб. В с е п о п р а в и л у: кажному добрітої и плохітої пшениці досталось. Колы через час счинився крик: «идет в т о р а я з а б а с т о в к а». Пійдошло сусідське обчиство. Ми и их приняли до присутствия. Ми добре распорядились. Честь честью. Усе дожидались вас (агитаторов): хотілы послухати наставления. А потом чуемо, в а с з а б а с т у в а л и. От и ми за вами", добавляет рассказчик, приведенный в тюрьму, где встречается с агитаторами.

В данном случае крестьяне высчитали, что нужно бастовать, и они собак из ружей «забастовали», прикащиков в амбаре забастовали, хлеб забастовали, пока, наконец, их самих в тюрьму не «забастовали».

В одних местах на разборку экономий смотрели, как на законное дело, в других местах разгром являлся результатом озлобления и, наконец, в некоторых местах, например, в Московской, Харьковской, Екатеринославской, Черниговской и проч., движение началось реакционерами с еврейских погромов. В Саратовской г. одновременно начались и черносотенные погромы интеллигенции и погромы помещиков.

Наконец, во многих местах движение было уже организованным и выразилось в более мирных формах: приговорах, митингах, забастовках.

«Взбудораженная всеми быстро следовавшими одно за другими политическими событиями, пишет корреспондент В. Э. Общества, мало подготовленная крестьянская масса глухо волновалась, с трудом разбираясь среди новых явлений. Настроение подымалось, росло и выливалось в целый ряд неопределенных ожиданий и желаний, поддерживаясь, главным образом, газетной литературой и митингами. Все адреса и постановления сходов относительно видов и предположений о лучшем благоустройстве страны, по преимуществу исходят от отдельных лиц и, несмотря на многочисленные подписи, общего настроения деревни не выражали. Так

было до манифеста 17 октября и второй железнодорожной забастовки. Разразившейся вслед за этим в г. Александровске еврейский погром, в деревнях сочувствия не встретил.

. . . Летучая революционная литература вперемежку с погромными листками александровской организации, агитаторы социалистических партий и разного рода добровольцы со стороны, деревенская интеллигенция, все это в разных местах, в разное время, а иногда и совместно действуя, дало начало деревенским митингам и было первым толчком к попытке политического выступления деревни.

Так как в этот период всякое крестьянское начальство и деревенская полиция где-то притаились, то почти в каждом селе шли беспрерывно митинги, образовывались местные отделения крестьянского союза, в которые записывались в громадном большинстве крестьяне».

Митинговое движение особенно сильно развилось в Донской области, в юго-западном и Белорусском районе, Херсонской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Костромской, Петербургской губ. и Прибалтийском крае.

Политические интересы так захватили население, что, например, крестьяне разносчики при ежедневных поездках из деревни в Петербург и обратно, устраивали митинги в железнодорожных поездах. Иногда митинги устраивались даже местной администрацией. Например, в с. Чардыш, Саратовской губ., земский начальник устроил митинг и предложил программу партии правового порядка, но тут же были прочитаны и обсуждены программы революционных партий. В Псковской губ. начало митингам положил гр. Гейден, но крестьяне примыкали не к мирнообновленцам, а к левым партиям. В Смоленской губ. митинги созывали либеральные помещики для раз'яснения манифеста и т. д. и т. д.

2.

Митинговое движение не везде происходило беспрепятственно. Так, в Саратовской губ. даже составление общественных приговоров и коллективных заявлений, согласно указу 18 февраля, было признано незаконным и в конце июля, особым циркуляром губернатора, было запрещено под угрозой решительных наказаний.

Глухое и глубокое брожение крестьян, разумеется, не прекращалось ни об'ездами губернатора, ни отрядами раз'езжавших по

деревням и чинивших насилия казаков, ни преследованием мирных и легальных форм борьбы. Общая забастовка в городах и на железных дорогах явилась последним толчком к взрыву.

В Саратовской губ. волнения крестьян сразу начались в нескольких уездах и выразились, главным образом, в разгроме и поджогах усадеб и экономий, увозе сена, снопов, захвате земель и разделе их. Разгромное движение происходило в Балашовском, Аткарском, Петровском, Сердобском, Кузнецком и Саратовском уездах.

Во всех уездах оно совершалось всегда по одному и тому же типу. Задолго до движения начинались разговоры «об уравнении земли» о «революции», о «борьбе за право». Далее как только ночью кругом начинали показываться «зарева», крестьяне данной деревни решали, что настает и их «черед» действовать. Иногда в это время приезжали «неизвестные», которые брали на себя руководство движением. Прежде, чем начать разгром имения, крестьяне иногда приходили к помещику и требовали от него ключи, деньги, оружие. Иногда, прежде, чем сжечь усадьбу, крестьяне разбирали из амбаров хлеб. Покончив с одним имением, толпа переходила в другое и движение оканчивалось, местами, только тогда, когда все помещичьи усадьбы в окрестностях были разгромлены.

В разгромное движение, в большинстве случаев, крестьяне не пред'являли помещику никаких требований. Здесь преследовалась единственная цель: «выкурить», «выжить» помещиков и завладеть их землей «даром» или «по дешевой цене». «Громить надо частных владельцев: они скорее землю отдадут». В разгромном движении принимали участие, главным образом, бедные и средние слои крестьянства, хотя временами к движению примыкали и зажиточные. Когда зажиточные шли рядом с бедными, то при разгроме имения, «каждый становился в очередь и каждый был доволен привезенным». Случалось, что у зажиточных крестьян, поехавших «за чужбинкой», в их отсутствие сжигали постройки. Последнее имело место в том случае, когда мотивов к участию в движении у богатых была «легкая нажива».

В некоторых местах во время движения возвратились манчжурские солдаты и усиливали общее возбуждение. Найдя свое хозяйство разоренным, узнавши, что их женам и семьям пособий не выдавали, или выдавали нерегулярно, они приставали к движению и требовали себе земли: «за что мы кровь проливали, а у нас земли нет».

Главные моменты действия крестьян были следующие: 1) Удаление помещика с семьей из усадьбы. 2) Разбор и дележи хлеба и продуктов, а иногда и движимой собственности. 3) Выведение скота. 4) Расчет батраков и домашней прислуги и 5) часто поджоги экономических построек. Помещики выезжают по предупреждению крестьян и насилий над ними никаких не допускается. Одновременно с разгромом экономий, крестьяне в принципе решают о передаче с весны помещичьей земли в уравнительное пользование мира, о чем во многих местах составляются приговоры. Урядники и стражники скрываются, а местами и арестовываются крестьянами. В главе толпы, нападающей на помещичьи усадьбы, стоит обыкновенно вооруженная дружина; дележем хлеба и продуктов и деньгами заведуют комитеты или братства из местных крестьян. Захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках, или у сборщиков питейных доходов суммы обращаются в общественную собственность.

Поджоги, как сказано, мотивируются особыми соображениями крестьян: если постройки сожжены, то помещики не могут вернуться и, следовательно, легче может упрочиться новый порядок землевладения.

Если постройки останутся целы, то они послужат удобным помещением для казаков, к которым у крестьян всеобщая ненависть. Когда вооруженной дружины в толпе нет, то было достаточно двух-трех вооруженных людей в усадьбе, чтобы остановить разгром. Так, в Балашовском уезде крестьянин землевладелец с вооруженными сыновьями вернул обратно с дороги несколько десятков подвод крестьян, ехавших громить его усадьбу.

В результате в Саратовском, Петровском, Балашовском и Аткарском у. были истреблены пожарами сотни построек на несколько миллионов рублей. Сожжены до тла все постройки в огромных имениях герцога Лейхтенбергского, кн. Вяземского, дома-дворцы кн. Прозоровского, Демидова, разорены до основания старинные дворянские усадьбы с ценными библиотеками, картинами и проч. Сжигались постройки безотносительно. дурны или хороши были отношения у владельца с крестьянами. Пострадали как либеральные земцы, так и реакционеры. Уцелевшие усадьбы в перечисленных уездах считаются единицами.

Хотя движение не было организованным, но, местами, в селах были выбраны комитеты, которые рассылали к помещикам «дружины» с требованием хлеба и денег.

Движение из Балашовского, Саратовского и Аткарского уездов распространилось и на другие уезды губернии: Петровский, Вольский, Хвалынский, Камышинский и Царицынский. Слово «беспорядок», пишет корреспондент, не точно характеризует то народное волнение, которое охватило за последние дни большую часть губернии и перебросилось на восточные уезды Тамбовской и Пензенской губ. Это движение правильнее было бы назвать в о с с т а н и е м против помещиков и сельской администрации... При распространении движения к нему привлекаются и те селения, которые самостоятельно ни в каком случае не решились бы на поджог и «разбор» экономий.

Один из участников движения, описывающий разгром экономии, сообщает, что в некоторых селах крестьяне только смотрели, как несколько человек пришлых со стороны начинали разгром экономии, но потом толпа заражалась примером и уже основательно заканчивала разгром.

Картина движения, по описаниям очевидцев, во всех уездах была одинакова. „Начинается освещение небосклона всю ночь заревами. . . картина ужасная,—с утра вы видите несущиеся вереницы экипажей, тройками и парами, наполненных людьми, бегущими из усадеб, а как только смеркнется, весь горизонт одевает как бы огненное ожерелье из зарев. Были ночи, когда насчитывали 16 зарев зараз.“

Погромы были или „сознательные“, когда ставилось целью удаление помещика, или „стихийные“, где, по удалении владельца, разгромлялось и уничтожалось все его имущество, а постройки предавались огню. Погромы первого рода происходили там, где крестьяне издавна пользовались репутацией бунтовщиков и крамольников. Как раз в этих местностях разгрома совершенно не было и крестьяне сами охраняли оставленные помещиками имения. В местах наименее культурных и разгромы носили соответствующий характер. В таких местах, нетронутых организацией, погромы происходили иногда в самой дикой форме. В имении кн. Голицына толпа ворвалась во дворец и устроила полный погром: били мраморные статуи, рвали редкие картины, ковры. Много было взято оружия и всяких вещей. Когда участники погрома взяли столько, сколько могли унести, дворец зажгли и удалились.

В конце октября в Саратовскую г. был назначен с чрезвычайными полномочиями ген.-ад'ютант Сахаров, для прекращения беспорядков. В союзе с черной сотней началось „усмирение“ со всеми его ужасами. . .

3.

Движение, как сказано, из Саратовской губ. перекинулось на соседние губернии Тамбовскую, Пензенскую и Самарскую.

Из Борисоглебска, Тамбовской губ., телеграфируют „Русским Ведомостям“: „Аграрное движение возрастает. Им охвачена почти вся помещичья часть уезда. Движение перешло на соседний—Новохоперский уезд. Вице-губернатор отдал приказ меньше арестовать, а больше стрелять. Войсками убито до ста человек, раненых очень много. Озлобление растет. Крестьяне хлеб увозят, постройки сжигают, а владельцам предлагают добровольно отречься от земли и „уволиться“ из усадеб. Управляющих изгоняют. Телефон в усадьбе прерывают. Землевладельцы в панике и с'езжаются в город. Почта и Государственный банк охраняются войсками“. Из Тамбовского у. в „Московскую газету“ сообщают об аграрных беспорядках и о порке, которой власти подвергают крестьян посреди сел в присутствии детей, о порке не только мужчин, но и женщин. Аграрные беспорядки быстро распространились по всем уездам губернии и не было ни одного уезда, неохваченного движением. В несколько дней, пишут из Кирсановского у., крестьянами были уничтожены и сожжены 13 помещичьих усадеб, причем в числе пострадавших оказались крупные экономии и конные заводы.

Всего в Тамбовской губ. пострадало от волнений 130 имений. Во многих случаях имения разорены до тла: хлеб разобран, скот частью угнан, частью уничтожен, имущество разграблено, постройки сожжены. Насилий над людьми не было.

Накануне „разборки“ к помещику являлся кто-нибудь из крестьян и от имени «студентов» предлагал уехать. Вечером приезжали с подводами крестьяне, и, сделавши «для острастки» несколько выстрелов, забирали что попало. . . «Для света» зажигали солому.

В Самарской губ. аграрное движение охватило 4 уезда и не имело такого острого характера, как в Саратовской и Тамбовской губерниях. Крестьяне являлись на хутора, забирали только корм для скота и, как они выражались, действовали «по совести»: подсчитывали, сколько имеется на хуторе скота, оставляли для его прокормления необходимое количество корма, а излишек увозили. Делали все спокойно, «чтобы не было никакого скандала». Потом стали разбирать на хуторах хлеб, тоже «по совести», оставляя

владельцу на прокормление до весны и даже на семена. Но вскоре крестьяне наталкиваются на сопротивление, которое сопровождается полным уничтожением усадеб.

В Орловской губ. движение не было таким сильным, как в Саратовской, Тамбовской и Воронежской губ., тем не менее и там местами разгром имений был полный. Так из Малоархангельского у. пишут: «С 19 по 23 ноября включительно произошло какое-то спешное, усиленное выжигание и разграбление помещичьих усадеб, так что в течение пяти дней уничтожено десять больших экономий. . . Породистый культурный скот подвергся безжалостному истреблению». Из Елецкого у.: «Аграрные беспорядки. . . усиливаются. Помещики бросают свои имения и хутора на произвол судьбы и бегут в города.» Всюду, разумеется, были разосланы отряды казаков.

Сильное движение и в более разнообразных формах проявилось в Курской губ. Здесь, например, в Суджанском у. в одних местах крестьяне не грабили имений, а отказывались лишь платить подати и хотя были отправлены войска всех родов оружия, но применить его не было возможности, так как крестьяне вели себя спокойно. Между тем, в других пунктах того же Суджанского у. «было разграблено 13 больших усадеб; общий убыток насчитывается в полтора миллиона рублей.» В Тимском у. «масса имений разграблена и сожжена Помещики в паническом страхе покидают на произвол судьбы свои имения. Под'ездные пути испорчены».

Из Новооскольского у.: «Аграрное движение усиливается В особенности пострадал Новооскольский уезд, где разграблены и сожжены многие частные владения», и т. д. и т. д.

4.

В Малороссийском районе наиболее сильное разгромное движение было в Черниговской и Полтавской губ., между тем как в Харьковской губ. оно было более организованным и, поэтому, менее разрушительным.

Аграрное движение началось непосредственно после появления манифеста 17 октября, причем в Черниговской и Полтавской губ. местами началось с еврейских погромов и потом перешло к разгрому помещичьих усадеб.

Местами движение началось с требования удалить всех посторонних служащих и рабочих, увеличения заработной платы рабочим местным, уменьшение арендной платы и увеличения сдачи земли в аренду. А затем начался разгром и расхищение экономического имущества, которые сопровождались иногда сожжением экономических построек.

Характерно, что на фоне общего возбуждения, при широком участии населения в движении, основной формой его в Полтавской г. является, главным образом, снятие экономических робочих, а остальные формы движения прибавляются в качестве сопутствующих его проявлений.

В Черниговской губ., после 17 октября, движение возникло одновременно в Черниговском и Городнянском уездах. На 23 апреля в Чернигове был назначен еврейский погром. Тысячи крестьян, говорят, по приглашению полиции, потянулись в город. Но погром был «отменен» и крестьяне двинулись громить евреев в селениях, а потом и помещиков. Толпа человек в 500 на подводах, разгромив и разграбив несколько экономий и усадеб двинулась на местечки Сновск, Добрянку и гор. Городню. «Но крестьяне были сначала разбиты под Сновском самообороной, затем окончательно рассеяны самообороной гор. Городни, причем было убитых человек 40, а затем уже разогнанных избивали сами более зажиточные и хозяйственные крестьяне, убивали жестоко, вилами, топорами, кольями. Самозащиты со стороны крупных помещиков не было, но мелкие землевладельцы защищались отчаянно и не без успеха: многие отстояли свои усадьбы, пуская в ход ружья».

Как в этом «походе», так и в других участвовали лица, принимавшие участие в еврейских погромах, а местные крестьяне только доканчивали разгром экономий. «Бывшие в Чернигове во время еврейских погромов крестьяне видели, что власти бездействовали, а потому принесли весть, что бить панов и евреев разрешено; во время базара (в Репинской вол.) начался разгром еврейских лавок и домов, экономий, арендуемых евреями, и, наконец, помещиков, причем хлеб и скот развозили по домам, а имущество уничтожали.

В Черниговском уезде разгромное движение также натолкнулось на сопротивление богатых крестьян, которые, например, в Выхвостове ловили грабителей, отвозили на сборню и «предавали смертной казни».

В Харьковской губернии хотя были отдельные случаи острых крестьянских беспорядков, но они не имели массового, «стихийного» характера. Наиболее сильное движение было в Сумском у., но оно имело мирный характер, благодаря весьма сплоченной организации отделений крестьянского союза.

29 октября состоялся с'езд представителей крестьян Сумского у. Среди его постановлений можно отметить следующие: требование об издании «в течение ноября месяца закона о созыве в январе 1906 г. учредительного собрания на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов», а также постановление о том, «что земля должна быть общественной и находиться в руках трудящегося населения уравнительно, без права покупки, продажи и залога, словом раскрепощена. Все земли, находящиеся на территории русского государства, выкупу не подлежат. Фабрики и заводы должны принадлежать той же общине, в районе которой они находятся . . . Присоединиться к крестьянскому союзу, принимая в местный союз заводских и фабричных рабочих» . . . Отделение союза уже прибегало к забастовке в экономиях графини Строгановой. В назначенный день все работавшие крестьяне и прислуга оставили занятия. «Впечатление получилось ошеломляющее: помещики поспешили уехать в город».

Только в Волчанском уезде, Харьковской губ., движение носило погромный характер: сразу горело несколько экономий. Пожары сопровождались разгромами.

В Юго-западном районе, где весной и летом было особенно широко забастовочное движение, осенью оно было слабее. Движением было охвачено только шесть уездов, между тем как весной забастовочное движение было в 16 уездах. Осеннее забастовочное движение было вообще слабое и не охватывало сплошных районов, как было весной. Забастовочное движение происходило одновременно с развитием митингового движения, охватившего все слои населения после 17 октября. Так, в конце ноября движение охватило целый ряд сел, деревень и местечек Новоград-волынского у., тесно прилегающих друг к другу. Словно сговорившись, в один и тот же день после беседы мирового посредника о выборах в Государственную Думу, крестьяне решили пред'явить экономиям и промышленным заведениям свои требования. По замечаниям корреспондента, они действовали в этом случае совершенно самостоятельно, без всякого воздействия агитации со стороны. В то же время забастовали мельницы в Новой Чартории,

Педынках, Острополье и Морополе. Требования рабочих были удовлетворены.

В экономиях же вышли острые столкновения. Некоторые помещики бежали. Движение охватило в этом районе 44 селения.

В Острожском у. движение началось в ноябре и охватило пять волостей в южной части уезда, выразившись в прекращении работ в экономиях и насильственном снятии рабочих и прислуги.

В Киевской губ. движение осенью и зимой проявлялось очень слабо. В Звенигородском уезде много раз собирались на сходы и обсуждали вопрос, присоединяться ли к крестьянскому союзу или нет. Характерно, что в этот именно период отмечено влияние здесь «посторонних лиц», которое раньше во время движения не проявлялось. Совершенно изолированно стоит случай разгрома винокуренного и сахарного завода в Уманском уезде.

В Подольской губ. также в течение осени и зимы имеются только отрывочные сведения о забастовках то там, то здесь, не имевших массового характера и не захватывавших соседних сел.

Наконец, в Волынской губ. в ноябре и декабре отмечается порубочное движение, имевшее в этом районе второстепенное значение.

5.

Совершенно в другой форме проявилось осеннее движение в Новороссии. Здесь оно имело такой же характер, как в Саратовской и Тамбовской губ. Так, из Днепровского у. Таврической г, пишут: «Трудно описать все то, чему мы были свидетелями, пробывши 3 дня на месте аграрных беспорядков. Точно ураган, пронеслось здесь это движение, уничтожив свыше 20 экономий, хуторов и проч. Все происходило так же как в Саратовской, Самарской и др. губерниях: приходили огромные толпы народа с массою подвод. В большинстве случаев к помещикам являются депутаты от крестьян с требованием отдать землю в аренду по установленной ими раньше цене. Так, Фальц-Фейна заставили отдать землю по 4 р., вместо 15 р., но некоторые экономии пострадали весьма значительно: у Вассала разобрали 80.000 пуд. пшеницы, угнали скот и овец. Замечательно, что крестьяне заявляют, что они действуют и будут вперед действовать „по божески“. Они великолепно знают, как досталась каждому помещику земля. Фальц-Фейн купил ее за гроши, — они дали ему по 4 р. за

десятину; кн. Трубецкой получил землю даром,—ему дали только 2 р. за десятину; у Безюкова монастыря отняли 15 тыс. земли, говоря, что монахи должны молиться богу, а не барышевать землей. Экономии быстро опустели, и владельцы почти все без исключения бежали за границу или в Одессу и Симферополь».

В Херсонской губ. аграрное движение, начавшись в Херсонском у., перешло на восточную часть губернии. Крестьяне громили огромными толпами, являясь на место с массою подвод для вывоза поделенного имущества. Насилий и убийств не было, потому что не было сопротивления,—растерявшиеся помещики и управляющие идут и открывают амбары по первому требованию крестьян.

В Екатеринославской губ., Верхнеднепровском уезде, по словам помещика, корреспондента В. Э. О., „по выходе манифеста 17 октября пошли толки среди крестьян о земле, об отобрании ее от землевладельцев, независимо от сословности. 30 ноября началось одновременно во всех местностях, как бы по команде, аграрное движение, сопровождавшееся почти ежедневными сходами, митингами, приговорами, образованием партий и союзов. Выразилось движение в самовольном расхищении всего движимого и уничтожении недвижимого имущества землевладельцев, в снимании зимних рабочих в экономиях с работ“ [1]). В Екатеринославском у. движение имело такой же характер: „Незадолго до начала движения образовался крестьянский союз, устроены были особые комитеты, и выборные решали, какие меры должен принять народ; при чем на собрании было воспрещено грабить. С октября 1905 г. село Покровской и Копиловка Покровской вол., Екатерин. у., село Кашинка, Знаменка, Ушкалка, Таврич. г., и с. Грушевка, Херсонской г., соединились все вместе и начали делать страшнейший беспорядок: резали и угоняли на продажу скот, жгли постройки, уничтожали лес в плавнях, строили бойкот, т.-е. не нанимались служить и даже поотбирали рабочих, ходили каждый день в экономию требовать земли и возврата штрафных денег, т.-е. денег, вычитаемых за неработу в ненастное время в размере 1 р. в день, требовали вежливого обращения со стороны помещиков и управляющих».

Формы движения—самые разнообразные: отказ от податей и

---

[1]) В. Г. Громан. «Агр движ. 1905—6 г.г Новороссийск. г. «Тр. В. Э. О. № 4—5, стр. 443—4.

повинностей, непосредственная борьба с агентами власти, захват власти выборным народным комитетом и т. д. Политические формы борьбы встречаются в Екатеринославской губ. вблизи от заводов, рудников, шахт и т. д. В этом же районе отмечается умеряющее влияние толстовцев. В Александровском у., хотя причиной движения был аграрный вопрос, но захватного движения почти не было, исключая отдельные случаи недоразумений, сопровождавшиеся насилием и вызываемые местными и личными обстоятельствами. В этом районе движение имело настолько мирный характер, что все сельские общества уезда откликнулись на приглашение Александровской земской управы прислать уполномоченных на переговоры в с.-х. совет, созванный по постановлению земского собрания, для урегулирования отношений между помещиками и крестьянами. На этот совет явились уполномоченные от всех обществ и привезли с собой приговоры, составленные в духе постановлений крестьянского союза. Это заседание с.-х. совета было прервано нарядом полиции, явившимся в земскую управу и арестовавшим председателя и 7 участников крестьян. Терроризованные и возмущенные делегаты раз'ехались по домам, а вслед за ними, в силу военного положения, по селам стали раз'езжать экспедиции, арестовывавшие народных учителей и передовых крестьян. Все крупные и мелкие власти как бы в отместку за временное бездействие, старались во всю, отыскивая «вредные» элементы и сажая их в Александровскую тюрьму.

6.

В промышленном районе движение носило гораздо более характер политического движения, выражавшегося в отказе платить подати, в бойкоте администрации, лишь местами в порубках и поджогах. В Новинской волости Тверского у. еще в последних числах октября на волостном сходе было решено отказаться от уплаты податей и исполнения всех повинностей, а также бойкотировать местные власти и организовать свои революционные комитеты. Под руководством тверского комитета р. с. д. р. п. организован был ряд митингов по деревням и производились выборы депутатов от сельских обществ для заведывания волостными делами и для об'единения крестьян. «Население находится в состоянии необычайного волнения и возбуждения — пишут в «Русск. Вед.». Из Тверского у., пишут, «что насильственных проявлений, характеризующих крестьянское движение в других мест-

ностях, как разгром усадеб и проч., здесь нет и, вероятно, не будет, т. к. **большинство населения живет, главным образом, не землей**, а работами на фабриках, отхожими и кустарными заработками, и земля, а с ней и аграрная реформа не имеют в глазах крестьян первенствующего значения... Проявляют большую деятельность и пользуются большим сочувствием социал-демократы. Последние почти ежедневно устраивают в различных местностях уезда митинги, на которых произносят речи. В Первинской вол... полное открытое отрицание существования властей. Власти земского начальника не существует; на основании общественных приговоров (30 обществ) смещены власти волостные и сельские. Всеми делами управляют избранные населением депутаты, волостными делами заведует комитет. Из повинностей собираются только страховые платежи. Митинги сопровождаются шествиями с флагами и пением революционных песен».

Такой же характер имело движение и в др. губерниях промышленного района. Так, «в бюро крестьянского союза получены были сведения о сильном крестьянском движении, охватившем Юрьевский и Переяславский у.у., Владимирской губ. Во всех волостях названных уездов организованы отделения крестьянских союзов с волостными комитетами во главе. Часто устраиваются уездные с'езды волостных делегатов. В силу решения одного из таких с'ездов, крестьянские общества пред'явили требования о передаче в их распоряжение продовольственных капиталов. В большинстве случаев требования исполнены земскими начальниками. Движение носит совершенно мирный характер. На с'ездах и митингах выставляются требования о земле и власти для народа. **Фактически уездное и сельское начальство упразднены**, никто их власти и распоряжений не признает». Отказы в уплате податей имели место и в некоторых волостях Ярославской г. В Московской г. имело место, главным образом, митинговое и приговорное движение. В некоторых пунктах черносотенцами было поднято погромное движение против интеллигенции, но оно успеха не имело.

В приозерном районе, как мы уже указывали, распространилось митинговое движение, хотя, местами, происходили одновременно обширные лесные порубки и разгромы. Так, в Новгородской губ., «аграрное движение распространяется с поразительной быстротой. Оно уже охватило уезды Кирилловский, Белозерский, Череповецкий и Крестецкий, где крестьяне производят сплошные

вырубки помещичьих и казенных лесов... Движение проявляется преимущественно в виде захвата лесов, потому что губерния не земледельческая, а лесная, и теперь как раз время производства лесных заготовок».

В Новоторжском уезде, Псковской губ., сожжено несколько имений.

Начало митингам положил гр. Гейден. «Народ стал понемногу раскачиваться, сознавать свои интересы, силу. Начинала чувствоваться потребность перейти от слов к делу. Вот для первого начала и решили «бастовать лес».

7.

В Северо-Западном районе также движение принимало различные формы, но, в общем, имело сходный характер с движением в промышленном и приозерном районах.

В ноябре в Вильне собрался первый с'езд делегатов литовского народа. Собралось более 2 т. человек, представивших более тысячи письменных полномочий. Главную массу делегатов составляли крестьяне и фабричные рабочие, затем довольно много было духовенства и интеллигенции. Исполняя постановление виленского с'езда, население сменило волостных писарей, старшин, учителей народных училищ, прогнало жандармов, земских начальников и ввело выборные суды и волостные исполнительные комитеты. Но вскоре в деревнях появились карательные отряды, которые арестовывали и истязали вновь выбранных должностных лиц, обстреливали деревни ружейным, а иногда и орудийным огнем, секли нагайками и проч.

Движение, как сказано, в различных пунктах имело различные формы. «Крестьяне некоторых волостей Новоалександровского, Поневежского, Вилькомирского и Шавельского у.у., Ковенской губ. отказывают в повиновении земским начальникам и чинам полиции, прогоняют русских учителей и волостных писарей, требуя замены их литовцами, и не дают подвод для передвижения войск». В Поневежском у, к концу декабря преимущественно безземельными крестьянами из 20 волостных правлений было закрыто 12. В Минской губ. «в окрестностях Минска и в Игуменском у. развилось сильное аграрное движение: крестьяне рубят помещичьи леса и грабят сено». В Гмине Вильно волостной сход уничтожил русские гербы над управлением. В Новогрудке были попытки рубить лес, остановленные казаками, и т. д. и т. д.

В Витебскую губ., в Режицкий уезд, движение перекинулось из Прибалтийского края. Беспорядки приняли серьезный характер. Организованные и хорошо вооруженные повстанцы обходят имения, конфискуя оружие и деньги.

В Гродненской губ. «крестьяне рубят лес во многих имениях, вызванные драгуны разгоняют толпы крестьян. Арестовано много зачинщиков».

В Смоленской губ., по сообщению «Нов. Врем.», «крестьянское движение вспыхнуло было в Смоленском, Красниском, Рославльском и Гжатском у. у... Кое где начались рубки лесов,... но, ко всеобщему удивлению, начавшееся аграрное движение крестьян почти прекратилось. Что же повлияло на умиротворение крестьян... Войска с казаками?.. Нет. Крестьян успокоили, как это ни странно, агитаторы стачек, забастовок и бойкота; они теперь стали убеждать крестьян, что этим путем добьются всего, чего пожелают, что разгромы и поджоги имений, как будущего достояния крестьян, созданного их же трудами, разорительны для самих же крестьян». Характерно в этом сообщении признание даже со стороны «Нов. Времени» за агитаторами такой роли...

8.

В Прибалтийском крае революционное движение, начавшись с весны, вплоть до осени не прекращалось. 6 августа в Курляндской губ. было введено военное положение. После октябрьских событий в Риге и др. городах края начались митинги и вооруженные демонстрации по всему краю. Все, самые глухие уголки, самые отдаленные деревни примкнули к октябрьско-ноябрьскому движению.

В ожидании «свобод» население сначала воздерживалось от выбора новых должностных лиц, прекратило «партизанские» действия и церковные демонстрации.

Сначала, как мы заметили, движение было митинговым и петиционным. Повсеместно происходят огромные митинги с тысячами участников. Митинги произошли более, чем в 200 местах. Повсюду принимались резолюции о скорейшей реализации обещанных свобод и, одновременно, о прекращении партизанских действий и церковных демонстраций. Народ ожидал осуществления свобод сверху. Посылались из латышских деревень многочисленные телеграммы г. Витте с требованием амнистий, отмены воен-

ного положения и т. д. Одновременно прекратился взнос платежей и отбывание повинностей до урегулирования вопроса законодательным путем.

Но вместо «свобод» явились в латышские деревни отряды казаков и драгун. Поведение баронов делалось все более и более вызывающим. Войска стали разгонять митинги выстрелами, избивать собравшихся, а иногда и без предупреждения в них стрелять.

Между тем, в Риге была перехвачена телеграмма рижского губернатора Звягинцева, ходатайствовавшего о введении в Лифляндии военного положения ввиду растущего возбуждения. Слух об этой телеграмме быстро дошел до деревни и вызвал страшное возбуждение умов. Раздражение росло на митингах, стали открыто поговаривать о вооруженном восстании.

10 ноября собирается в Риге конгресс латышских народных учителей, на который с'ехались учителя из всех уголков края — свыше тысячи человек. С конгресса учителя раз'ехались по всему краю, чтобы проводить в жизнь новую постановку народного образования.

Между тем, попытки арестов драгунами и полицией революционеров приводили все к более и более обостренным столкновениям с войсками. На демонстрации и митинги все крестьяне стали приходить вооруженными. Начались партизанские действия, попытки, иногда удачные, отбить у драгун и казаков арестованных революционеров и т. д.

19 ноября в Риге состоялся с'езд крестьянских депутатов. На с'езде было единогласно постановлено немедленно же приступить на местах к выборам новых органов крестьянского самоуправления; немедленно же созвать во всех волостях всех членов волости (обоего пола) для выборов распорядительных комитетов и переизбрания волостных судов.

Были выработаны инструкции распорядительным комитетам. Им запрещено было поддерживать какие-либо связи с правительственными органами. Комитеты должны были: 1) уволить и выселить всех пасторов; 2) принять от старых волостных правлений все общественные суммы и имущество; 3) ввести прогрессивный подоходный налог; 4) содержать волостного учителя, писаря и членов комитета; 5) заботиться о нищих; 6) наблюдать за преподаванием в школах и т. д., а также следить, чтобы помещики не вырубали лесов; закрыть все корчмы и винные лавки; заботиться о положении батраков; наблюдать за исправным ведением хозяйст-

за скрывшихся помещиков, а также за хозяйствами конфискованных за нарушение права стачек, за дурное обращение с батраками и пр. помещичьих имений. Такие имения отдавались батракам на правах аренды. Отменить все дворянские привилегии, организовать самооборону против черной сотни и т. д.

Население немедленно же стало проводить в жизнь постановления крестьянского с'езда. В более, чем 200 волостях были смещены старые власти и выбраны распорядительные комитеты, уволены и выселены пасторы, урядники, уездные начальники. Были, местами конфискованы помещичьи имения, образованы отряды милиции и введена новая программа в школах.

Новый порядок местами продержался около 2-х месяцев, местами же только около 1 месяца.

Все местные организации были организационно связаны с центром, находившимся в Риге.

«Почти повсеместно крестьянским населением решено было отказаться к весне от дорожной повинности, е с л и п о м е щ и к и н е п р и м у т у ч а с т и я в р е м о н т е д о р о г, и отказались платить взносы в земскую кассу до тех пор, пока крестьянские представители не будут допущены в органы местного самоуправления. В некоторых волостях 3 ноября состоялись постановления о прекращении арендной платы и взноса в дворянские кредитные общества... Сообщениями о народных митингах переполнены все газеты... На всех митингах были формулированы и приняты резолюции специально по корчемному и по церковному делу, а также и по вопросам о самоуправлении. Волостные суды и правления перестали действовать и ими никто больше не интересуется. Мызные платежи и волостные сборы повсюду прекратились. В волостях организовались большие вооруженные толпы крестьян. Во многих уездах волостные старшины и писаря решили отказаться от должностей».

Благодаря почтово-телеграфной забастовке чрезвычайные полномочия ген. губернатора лишились значения и являлись формальностью.

Почти такое же положение оказалось в латышских уездах Лифляндской губ. На Либавском с'езде волостных старшин и писарей постановлено было упразднить старые волостные правления и организовать на новых началах самоуправление, реорганизовавшее налоги. В Фридрихштадтском уезде, вместо смещенных учителей, были назначены новые, рекомендованные с.-демократической пар-

тией. Помещики, растерявшись, стали выезжать в Германию, продавать имения, а лес продавать на сруб.

В то же время в «Нов. Время» телеграфируют, что «пока» движение не коснулось только Терновского уезда. Мызная администрация повсюду бежала. Покинутыми имениями владеют батраки; они ведут хозяйства, ходят за скотом и распоряжаются доходами. Почти повсеместно введено новое самоуправление, заведывавшее сборами общественных налогов.

Между тем начинаются столкновения с посланными войсками. Так, 28 ноября у имения Ленневарден произошло столкновение между драгунским отрядом, сопровождавшим значительный караван покинувших свои имения баронов, и повстанцами. После продолжительной перестрелки, в течение которой с обоих сторон оказались убитые и раненые, помещики, уступая численному превосходству, вынуждены были отступить. Они заперлись в близлежащем замке, но видя, что толпа осаждающих усилилась, выкинули над замком белый флаг. Взятые в плен они были разоружены и арестованы, при чем им была обещана свобода, если лифляндским дворянством будут исполнены требования латышей. 2 декабря конвент лифляндского дворянства получил от пленных баронов петицию, в которой они просят конвент: 1) содействовать отмене военного положения в Лифляндской и Курляндской губ. и удалению из провинции войск; 2) отказаться от всех дворянских привилегий и преимуществ в крае; 3) распределить справедливо повинности.

Впоследствии выпущенные из плена жестоко отомстили крестьянам за свой вынужденный либерализм.

В Курляндских городах и местечках власти были низложены, или принуждены были бездействовать. В г. Гольдингене, например, была введена с.-демократическая полиция, с красными повязками на рукавах, и новое городское самоуправление. В первый же день революционный комитет посадил под арест 17 воров.

Постоянные столкновения с войсками привели к настоящей партизанской войне. «На протяжении 100 верст от Митаурена до Зегевольда запылали помещичьи замки и усадьбы. 35 замков было сожжено до тла и разрушено. Народ повсюду вооружался. Небольшие казачьи и драгунские отряды постепенно отступали, избегая стычек с, превосходящими их силами, революционерами. В Риге тем временем снаряжались сильные отряды войск...

О характере и размерах движения можно судить, например, по следующему случаю в г. Газенпоте (уездный город Курлянд-

ской губ.), 17 ноября полицеймейстер города известил 3 проживающих в городе учителей и 1 ветеринара, что они, по приказанию генерал-губернатора высылаются из края, что кроме того, к высылке предназначено еще 40 человек. Местная с.-д. организация в особых листках пригласила окрестное население протестовать против административного произвола. На это приглашение откликнулось все окрестное население на расстоянии до 10 миль. Со всех сторон стали стекаться толпы вооруженных крестьян. Из дальних мест приезжали на подводах, всю ночь по дорогам, ведущим к городу, тянулись вереницы подвод с вооруженными людьми и пешеходов, вооруженных чем попало,—вилами, топорами, дубинами, охотничьими ружьями, пистолетами и т. д. На другое утро город оказался занятым 30 тыс. вооруженным отрядом крестьян. Это событие, известное под именем «Газенпотской мобилизации», произвело сильное впечатление на весь край. Собравшиеся провозгласили в городе военное положение и захватили всю власть в свои руки. Полицеймейстеру были пред'явлены следующие требования: 1) отмена распоряжения о высылке намеченных администрацией лиц; 2) освобождение всех политических; 3) прекращение арестов на политической почве; 4) отозвание из города войск и удаление полиции, чтобы возможно было устраивать митинги и собрания. По исполнении этих требований народное ополчение будет распущено.

24 ноября рижским почтово-телеграфным союзом была перехвачена телеграмма о введении в Лифляндии военного положения, а 25 в Риге началась всеобщая забастовка, о которой русские газеты сообщили: «в ответ на новую репрессивную меру правительства... командующий краем,—гор. Рига—провозгласил вооруженное восстание». Хотя вооруженного восстания не было об'явлено, но в различных местах края начались вооруженные столкновения с казачьими отрядами, сжигались замки и проч.

Часто насилия солдат, с одной стороны, и возбуждение и раздражение населения, с другой, приводили к внезапным схваткам, в которых победа иногда была на стороне многочисленных милиционеров.

Так, в Туккуме, известное «Туккумское дело» было вызвано нападением драгун на дежурившие в городе патрули революционеров. Это вызвало такое раздражение, что из окрестных деревень явились толпы вооруженных крестьян и милиционеры осадили запершихся в гостинице драгун. Часть драгун была убита во время боя, остальные взяты в плен, и город всецело попал в руки

революционеров. В конце концов, дело закончилось взятием города войсками—при чем убито было свыше 200 человек крестьян—и судебным процессом, закончившимся расстрелом 17 человек.

5 декабря было уничтожено прибалтийское генерал-губернаторство, а 14 декабря на место г. Сологуба прибыл новый генерал-губернатор и усмиритель, генерал Орлов, сделавшийся известным жестокими расправами с повстанцами. До 300 озлобленных крестьянским движением баронов участвовало в карательных экспедициях в качестве руководителей и вдохновителей. По всему краю были разосланы крупные карательные отряды, с которыми иногда, конечно, безуспешно, пытались бороться революционеры. Так, у Салисбурга 2.000 милиционеров сражались с 1.500 отрядом солдат, но были разбиты и бежали. Жертвы усмирения насчитывались сотнями, а в 1906 г. уже тысячами. Общее количество убитых и казненных достигает 10.000 человек...

В Эстляндии аграрное движение так же, как и в других губерниях Прибалтийского края, начавшись с весны 1905 г., наиболее сильно развилось после манифеста 17 октября. Так же, как в Лифляндии и Курляндии начались митинги, забастовки, смещение старых властей и выборы распорядительных комитетов на основе 4-членной формулы. Но движение здесь имело менее организованный характер.

Начавшись весной в мирных формах, ввиде требования в петициях понижения арендной платы, наделения землей и проч., осенью движение приняло бурный характер. Волостные власти сменялись, все документы и деловые бумаги старых властей сжигались, корчмы и казенные винные лавки сжигались и разрушались, имения, вызывавшие драгун, уничтожались.

Всего было сожжено в Эстляндии до 13 имений, пасторатов и винных лавок.

В конце ноября, в Юрьеве собрался конгресс представителей эстонского народа, на котором, между прочим, были приняты следующие постановления.

Для уничтожения правительственного произвола городское и сельское население призывается к борьбе следующими средствами:

1) введение революционного самоуправления в городах и деревнях с центральным областным с'ездом;

2) бойкот правительственных учреждений;

3) закрытие всех корчм, пивоварен и казенных винных лавок;

4) бойкот военной службы, отказ в постое и фураже солдатам, сопротивление передвижениям войск и т. д.;

5) взятие денег из банков и сберегательных касс, обмен бумажных денег на золото;

6) отказ от уплаты налогов и несения повинностей в пользу церкви и помещиков;

7) передача школ в ведение органов самоуправления;

8) призыв к оружию всего населения;

9) поддержка всеобщей стачки, если она будет об'явлена. и т. д.;

10) уничожение дворянских привилегий и уравнение в правах всех сословий; уничтожение ограничений сословных прав и повинностей крестьян;

11) конфискация и раздел помещичьих земель и передача арендуемых земель арендаторам по цене, установленной комиссиями;

12) немедленное введение прогрессивного подоходного налога;

13) свобода стачек, собраний и проч.;

14) отмена военного положения, смертной казни, освобождение политических заключенных, возвращение манчжурской армии и т. д.

Одновременно со с'ездом началось в деревнях сильнейшее волнение, организовались отряды милиции, нападение их на имения помещиков, разгромы и поджоги усадеб и проч. В одном Горрийском округе в начале декабря было сожжено 20 замков и 25 винокуренных заводов, в Викском округе было разрушено 10 замков и винокурен, а к концу декабря всего было разрушенных замков и имений свыше 100. На островах Эзель, Даго и др. также было введено революционное самоуправление, закрыты казенные винные лавки и проч.

Вскоре край был наводнен карательными отрядами войск, во главе которых стояли бароны и пасторы. До 100 баронов участвовало в карательных экспедициях. Началось „усмирение"... Для его характеристики приведем только одну выдержку из консервативной немецкой газеты... „В Арргофе арестованы все батраки и батрачки... Бедный (?!) священник едва успевает причащать жертвы карательных экспедиций"...

9.

В Польше, как мы заметили, крестьянское движение было слабее, чем в других районах. Начавшись весной, оно к осени совсем утихло.

После 17 октября, под влиянием всеобщей политической забастовки, движение возобновилось. Более крупные размеры оно приняло в губерниях Радомской, Люблинской, Сувалкской и Петроковской. Крестьяне этих губерний громили винные лавки, гминные управления, школы.

В Конском уезде, Радомской губ., начались массовые порубки лесов, в Илжецком у. появились боевые дружины. Крестьяне, разгромляя гминные управления, сжигали дела и книги, иногда конфисковали кассы. Местами начали выбирать новых гминных войтов и т. д.

Довольно распространенным было приговорное движение, при чем гминные сходы принимали демократические резолюции. Например, гминный сход гмины Ренчко, Петроковского у., принял такую резолюцию: в виду особых условий быта Царства Польского, являющегося составной частью Российского государства, от которого край этот не желает отделяться, мы требуем самоуправления для Царства Польского с сеймом в Варшаве, выбранным на основе всеобщего, равного, прямого голосования. Или в посаде Литовичи 1500 крестьян приняли резолюцию, в которой требуют: 1) снятия военного положения и усиленной охраны, 2) освобождения политических заключенных, 3) неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, союзов и собраний, 4) организации милиции, 5) учредительного собрания и т. д. Кроме того решено:

1) не платить налогов, 2) в гминном управлении, в судах и школе употреблять польский язык и т. д.

Почти аналогичные решения принимались и на других митингах.

Хотя среди польского крестьянства так же, как и в России, организовался «крестьянский союз», но он не имел такого значения, как в России.

Союз ставил своей задачей «защиту политических, экономических и социальных интересов земледельческого населения Царства Польского... Признавая, что действительная защита этих интересов может быть достигнута только путем широкой социальной самодеятельностью земледельческих классов, крестьянский союз

стремится к об'единению всех сознательных элементов польского крестьянства в самостоятельную политическую партию».

Главным ближайшим политическим требованием союза является требование польской автономии, «основанной на собственном основном законе, который должен быть выработан сеймом, избранным путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, без различия веры, пола и национальности, а утвержден всероссийским собранием народных представителей».

В экономической части программы ставится на первом плане организация просветительных, хозяйственных и проч. обществ, союзов, с.-х. рабочих, крестьянских обществ для покупки орудий, семян и проч., установление минимальной заработной платы, прогрессивного обложения земель, национализации лесов, казенных и монастырских земель, рудников и путей сообщения.

Вследствие резкого расслоения крестьянского населения, союз, несмотря на свою демократическую программу, не мог привлечь ни широкой крестьянской массы, ни батраков.

Революционные социалистические партии не успели достаточно укрепить своего влияния в деревне.

В Гурии, как мы видели, еще до октябрьской забастовки было фактически введено революционное самоуправление. Октябрьская забастовка отрезала Гурию от всего остального мира, так как железнодорожное и телеграфное сообщение было прервано.

Гурийцы стали разоружать местную полицию и удалять из Грузии.

На отправленный в Грузию отряд пластунов было даже сделано нападение, после чего и остальные пластуны, стоявшие в Озургетах, были отозваны.

Правительство в это время чувствовало себя настолько слабым, что для успокоения населения назначило губернатором в Кутаисскую губернию либерального агронома Старосельского. Новый губернатор, чтобы проникнуть в Гурию и удержать население от активных выступлений, должен был обратиться к с.-демократическому комитету и к охране дружинников.

В конце ноября было решено провести начало самоуправления и в местном административном центре, г. Озургетах. Небольшой гарнизон, оставленный там властями, после отозвания пластунов, не имел для гурийцев никакого значения, так же как и

местная полиция... В город прибыла из окружающих селений масса крестьян и рабочих, устроивших на майдане, в центре города, огромное собрание, на котором было решено сместить служащих городского управления и избрать новых лиц. Правом голосования пользовались все присутствовавшие взрослые граждане, без различия пола, религии, национальностей. Выбранным лицам даны были надлежащие указания или инструкции по разным отраслям городского хозяйства, и собрание с пением песен мирно разошлось. Этим было закончено устройство местного самоуправления Гурии.

В других районах Закавказья, в Карталинии и Кахетии, происходило такое же движение крестьян, но в менее организованных формах.

С начала 1906 г. на Грузию надвигается реакция. В январе кутаисским ген. губернатором был назначен ген. Алиханов, и в западную Грузию были отправлены войска. Хотя часть ж. д. путей была разрушена, хотя дружины делали попытки сопротивления, но войска заняли всю Гурию, а повстанцы должны были бежать в горы. Начались обычные действия карательных отрядов, насилия, поджоги, расстрелы, контрибуции с крестьян и проч. и проч.

Движение гурийцев захватило даже жителей „свободной", не знавшей никогда крепостного права, Верхней Сванетии. Несколько сот вооруженных горцев в революционные дни спустились с гор, чтобы «воевать за республику». Так как вооруженного восстания в тот момент еще не было, то помощь прибывшего отряда оказалась ненужной. С трудом удалось убедить их вернуться назад в горы, так как сванеты считали позорным вернуться ни с чем, «не омочивши кинжалов в крови». Впоследствии, во время движения карательных экспедиций Верхняя Сванетия явилась неприступным убежищем для бежавших с низин революционеров.

10.

«В итоге» осеннего крестьянского движения в России оказались сожженными, разграбленными и, вообще, уничтоженными свыше 2.000 усадеб, причем убытки только по 19 затронутым губерниям определяются, по официальным данным, в 29 миллионов рублей.

1. Саратовская губ.	9.550.320 р.
2. Самарская »	3.915.012 »
3. Курская »	3.052.148 »
4. Черниговская »	3.000.500 »
5. Тамбовская »	2.475.608 »
6. Херсонская »	1.778.900 »
7. Воронежская »	1.018.314 »
8. Екатеринос. »	775.000 »
9. Орловская »	774.663 »
10. Полтавская »	529.000 »
11. Пензенская »	542.150 »
12. Симбирская »	420.550 »
13. Могилевская »	411.000 »
14. Витебская »	283.000 »
15. Тульская »	99.470 »
16. Нижегородск. »	99.425 »
17. Казанская »	75.000 »
18. Смоленская »	35.150 »

Количество разрушенных помещичьих усадеб Б. Веселовский, на основании имеющихся минимальных данных, насчитывает:

В Саратовской губ.	272
» Тамбовской »	130
» Орловской »	84
» Пензенской »	30
» Курской »	127
Верхнеднепровск. увзд.	66
Борисовском »	50
Волчанском »	33
Днепровском »	30
Черниговском »	25
Курмышском »	20
Прибалтийск. крае	260

По размерам убытков эти губернии (за исключением прибалтийских, польских и закавказских губ.) следуют в таком порядке.

Вследствие разнообразия условий в различных местностях, различного уровня сознательности крестьян в одном и том же районе, вследствие влияния различных политических партий и, наконец, вследствие различного отношения правительственной вла-

сти к крестьянскому движению, оно имело самые разнообразные формы даже в одной и той же местности. Иногда оно вспыхивало сразу в виде разгромного движения, как было в центральной России; в большинстве случаев осеннее движение начиналось в виде мирного митингового и петиционного движения и потом, вследствие репрессий, озлобленное население переходило к разгромам, а местами и к вооруженному восстанию. Вообще, в этот период крестьянское движение больше имело характер политического движения, связанного с экономическими требованиями, хотя и сопровождалось одновременно, особенно в северном районе, порубками, вызванными просто нуждой и надеждой, что теперь это можно делать безнаказанно.

Как мы упоминали, местами, разгромы имений были вызваны черносотенной агитацией и призывом к разгрому евреев, местами попыткой администрации скрыть появление манифеста 17 октября и т. д.

Крестьянским движением конца 1905 г. было охвачено более 160 уездов Европейской России, не считая Кавказа и Польши. Оно закончилось страшными репрессиями со стороны властей. При этом, пока движение было наиболее интенсивным, всякого рода власти или скрывались, или не решались остановить движения. Только появление войск, обыкновенно, сразу вызывало административную энергию, которая проявлялась тем сильнее, чем больше трусости администрация обнаруживала во время волнений, проявлялась тогда, когда, как часто бывало, крестьяне уже мирно сидели в своих избах.

В каждой области, в каждом районе были свои «герои», которые отличались особенной жестокостью. В Тамбовской губ. особенной жестокостью отличался советник губернского Правления Луженовский, в Саратовской губ. ген.-ад. Сахаров,— оба впоследствии убитые. Эти усмирители обладавшие, почти неограниченной властью, в свою очередь передавали свою власть низшим чинам, которые использовали ее как только хотели.

В Черниговской и части Могилевской губ. карателями было разрушено 30 строений. В Смоленской губ. в с. Коровниках пьяные стражники застрелили несколько крестьян, вышедших для переговоров, а потом назначен был суд над оставшимися в живых крестьянами, предварительно пересеченными, и т. д. и т. д. Казаки убивали «походя» мужчин, насиловали женщин, грабили, захватывая все, что можно было унести. Такое отношение низших чинов

к населению будет понятно, если принять во внимание, что от министра внутренних дел П. Дурново был, например, такого рода приказ киевскому ген. губернатору: ...«аресты теперь не достигают цели; судить сотни и тысячи людей невозможно... предлагаю немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления — сжигать их жилища... Необходимо, чтобы войска прониклись вышеизложенными указаниями». Местная администрация, разумеется, «прониклась»: в Тамбовской губ. исправник Латонский приказывал становым приставам: «убеждения оставьте, действуйте огнем. И чем больше у вас будет убитых, тем больше у вас заслуг перед начальством». В свою очередь вице-губернатор говорил этому исправнику: «меньше арестовывайте, больше истребляйте»... В наказание крестьянам была прекращена выдача продовольственных ссуд.

Озлобленные землевладельцы не только одобряли такого рода меры, но иногда находили жестокие меры усмирителей недостаточно решительными. Так, в Тамбовской губ., на келейном совещании нескольких землевладельцев, было заявлено требование о применении военно-полевого суда к участникам крестьянских погромов.

В Прибалтийских губ., как упомянуто, бароны участвовали в огромном числе в карательных отрядах [1]).

Русские землевладельцы не участвовали сами в карательных отрядах, но зато осаждали правительство требованиями присылки воинских отрядов, организовали собственную стражу из ингушей, чеченцев и казаков и видели одно средство против крестьянского движения: «укрепление сильной власти на местах». Вместе с тем, землевладельцы продолжали организоваться для политической борьбы за свои интересы.

Хотя крестьянское движение в начале 1906 г. не затихло,

---

[1]) О характере «усмирения» можно судить по следующим выдержкам из газеты «В Феллин, Лифляндской губ., для усмирения прибыл штаб-ротмистр барон Гроо-Сиверс. Здесь расстреляно 9 января 40 человек и 11 января 11 человек эстонов. Расстрелам и экзекуциям (200 ударов) не настал еще конец, ежедневно аресты производятся. В ночь на 9 января за 3 часа до казни скончены были 26 человек ...и вместе с 14 преступниками, содержащимися в тюрьме ...расстреляны" ...(Право, № 3, 1906 г.) ...«В Долене расстреляно 11 человек. Много крестьян избито нагайками. Сожжено 9 усадеб. В Куртенгофе уланы сжигают усадьбу. Расстреляно 4 крестьянина. В Берденской волости происходят расстрелы ежедневно» ... и т. д. и т. д.

но внимание и надежды крестьян сосредоточиваются на выборах в Государственную Думу. Борьба классов переносится еще на новую почву.

VIII.

1906-й год. Выборы в Государственную Думу и наказы.

Ни неудачи предыдущего движения, ни правительственные репрессии не уничтожили у крестьян стремления и надежды получить землю. Крестьянское движение не прекратилось, но в 1906 г. оно в большей части районов приняло новые формы, т. к. изменились и внешние условия.

Присутствие в местах беспорядков казаков и стражников и их насилия повели к столкновениям с ними крестьян, с одной стороны, и к изменению формы борьбы — с другой. Крестьяне даже в центральном земледельческом районе начинают прибегать к стачке.

Предстоявший созыв Госуд. Думы, в свою очередь, направил внимание крестьян на новый путь борьбы за землю, через своих представителей в Государственной Думе, путем наказов своим депутатам, революций и проч.

Обнародование избирательного закона в Госуд. Думу произошло уже в период репрессий и реакций. Революционные партии отнеслись с недоверием к этому мероприятию правительства и решили бойкотировать выборы. Так решили социалисты-революционеры, а за ними и крестьянский союз, так же были склонны решить вопрос социал-демократы.

Указ о выборах в Государственную Думу оживил надежды крестьян. Во многих губерниях, основываясь на каком-то манифесте, читаемом в церквах, крестьяне ждут к весне от царя „радости". „Радость" — нарезка на каждого мужчину по 5 дес. Очень может быть, пишут „Русск. Вед.", что приурочение „радости" к весне об'ясняется тем, что весной предполагается созыв Государственной Думы. Государственная же Дума, как это теперь все более и более выясняется, по мнению крестьян, прежде всего должна будет заняться обеспечением землей трудящегося населения. В Тульской, Калужской губ., например, крестьяне прямо говорят, что в Государственную Думу они идут для справедливого решения вопроса о земле, а «разные свободы» их не касаются, что выби-

рать депутатов в Думу они решили непременно из крестьян, при том из крестьян бедных, ибо только такие крестьяне понимают их нужду и будут стоять за них в Думе.

Тем не менее, во время периода октябрьского движения и во время осеннего движения влияние революционных идей через агитаторов, газеты и пр., так проникло в крестьянскую среду, что в наказах депутатам и в приговорах, написанных в Госуд. Думу, политические требования встречаются в большем количестве и более осмысленные, чем в приговорах, составленных на основании февральского указа 1905 г.

Так, в Покровской слободе, Самарской губ., еще в декабре был собран волостной сход для рассмотрения, обсуждения и утверждения проекта комиссии по составлению Наказа будущему избраннику в Государственную Думу. На сход явилось около 1000 слобожан, причем были одобрены следующие требования:

1) Немедленное осуществление свобод, — свободы совести, слова, собраний, союзов и неприкосновенность личности.

Принято требование единогласно.

2) Выборы в Государственную Думу должны быть всеобщими, равными, прямыми. Сословное разделение должно быть уничтожено.

3) Из казенных, удельных, монастырских, церковных, кабинетских, а также из отчужденных за выкуп частновладельческих земель должен быть образован государственный фонд для наделения землей малоземельных, безземельных и всех желающих обрабатывать землю личным трудом.

4) Организация государственного дешевого, доступного для крестьян, кредита.

4) Отмена налогов на предметы первой необходимости и замены их прогрессивным подоходным налогом.

6) Бесплатное обязательное первоначальное образование.

7) Упразднение института земских начальников.

8) Всесословное волостное управление, основанное на демократических выборах.

9) Демократизация земств на тех же началах.

10) Защита с.-х. рабочих особым законом.

В 1905 г. крестьяне в своих петициях и требованиях, предъявляемых помещикам, обыкновенно говорили о понижении арендной платы и повышении заработной платы. Теперь в своих наказах крестьяне ставят вопрос более радикально и говорят о землевладении и землепользовании.

В надежде, что через Государственную Думу можно добиться земли, крестьяне приняли горячее участие в избирательной кампании.

Избирательная кампания началась инструкцией министерства внутренних дел земским начальникам, в которой рекомендуется: 1) Воздерживаясь от «явного вмешательства» в избирательную кампанию, земские начальники должны наблюдать, чтобы не было насилий со стороны левых партий. 2) Вести с крестьянами частные собеседования, выяснять населению программы различных партий, и вменяется в обязанность разъяснять всю неосновательность программ, клонящихся к изменению основного государственного строя. 3) Во время выборов следить через доверенных лиц за теми из ораторов, которые, чтобы попасть в Государственную Думу, «обольщали» бы крестьян несбыточными надеждами на даровое наделение частновладельческими земельными участками. Таких ораторов предлагается удалять, как беспокойный элемент, причем удаление должно производиться отнюдь не официальными представителями власти, а через «доверенных людей».

4) Удалению должны подлежать не только нетрезвые лица, но и «крикуны».

5) Накануне выборов позаботиться о недопущении в помещение для выборщиков «неблагонадежных» лиц. В помещении для выборщиков вывесить список лиц, «кои по неблагонадежности своей кандидатами быть не могут», и предупреждать, что выборы таких лиц будут неправильными.

Согласно такому распоряжению, перед выборами начались аресты лиц, которые, по мнению местного начальства, оказались «неблагонадежными» и «вредными». Арестовывались учителя, фельдшера, более сознательные крестьяне. Популярные в деревне лица должны были скрываться, чтобы не быть арестованными накануне выборов. В Новозыбковском уезде за поимку одного уполномоченного была даже назначена награда в 100 р. Тюрьмы оказались переполненными и местами спешно приспособлялись частные дома для кандидатов в уполномоченные и в выборщики. Даже крестьянский союз партии правого порядка жаловался гр. Витте, что предвыборные сходы крестьян, на которых они могли бы избрать выборщиков, повсюду разгоняются местным начальством.

Несмотря на то, что местное начальство энергично исполняло инструкцию министерства внутренних дел, крестьяне обнаружили

большое «упорство» и выбирали депутатов, руководствуясь своими соображениями, а не видами начальства. Часто преследования администрацией какого-нибудь лица служило лучшей и единственной рекомендацией для выбора его в депутаты. «Нынче сажают тех, кто не с панами»,—говорили крестьяне и часто выбирали лиц, сосланных или заключенных в тюрьму администрацией.

Так как масса крестьянства еще не была сгруппирована в политические партии, то много от крестьян было избрано «беспартийных» депутатов, примкнувших только во время думской деятельности к той или другой партии.

По партиям крестьянские депутаты делились следующим образом:

Конституционных демократов	24
Трудовиков (в том числе соц.-рев. и соц.-дем.) . . .	68
Автономистов	15
Партии 17 октября	1
Беспартийных	59
Всего	167

Правительственные репрессии и бойкот революционными партиями выборов, а также малая политическая сознательность крестьянских масс повели к выбору большого числа «беспартийных» кандидатов.

Некоторые депутаты даже с вполне определившимися взглядами называли себя беспартийными, чтобы не быть арестованными перед выборами. Крестьяне довольствовались обещанием кандидата добиваться «земли и воли», не спрашивая и не зная *каким путем* будущий депутат будет этого добиваться. При подобных условиях политическая физиономия крестьянских депутатов не была такой определенной, как у кандидатов революционных партий, но все-таки более демократической, чем у кандидатов партии к.-д. Эти условия были наиболее благоприятны для образования новой *парламентской* «трудовой» группы депутатов, с демократическим настроением и с радикальными требованиями в области аграрного вопроса. По своей программе эта группа стояла ближе к революционным партиям, а в своей тактике она следовала за конституционными демократами, проявляя большую резкость в речах депутатов и стремление сохранить связь с народом. В проекте аграрной программы группа «находит необходимым немедленное издание закона, по которому земли казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, помещичьи и все прочие служащие

предметом эксплоатации и закабаления трудящихся, отчуждаются принудительно в народный земельный фонд, для наделения безземельных и малоземельных, желающих личным трудом обрабатывать землю. Подробную разработку земельного вопроса и всю подготовку к его практическому проведению в жизнь согласно этому закону передать на места. Народ путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования изберет волостные, уездные и губернские комитеты», которые должны решать вопрос на местах.

Массы крестьянства присылали в Думу свои приговоры и наказы. Из имевшихся у меня 536 наказов и приговоров, адресованных в Государственную Думу, большая часть содержит различные программные требования, причем требование земли имеется в 358 приговорах, политические требования в 343 и требования амнистии в 178 случаях. Кроме того, в значительной части наказов и приговорах обещается поддержка требований депутатов всеми средствами, имеющимися у крестьян.

Среди других требований большое место занимают требования отмены смертной казни, всеобщего бесплатного обучения, отмены косвенных налогов и введение прогрессивного подоходного налога, сословного равноправия, всеобщего, равного и т. д. избирательного права и пр. и пр.

Из Западного края, где большое влияние имели националистические партии и были выбраны правые депутаты, связи их с населением почти не было, не было и наказов.

Крестьянские наказы и мотивировка крестьянских требований лучше всего характеризуются следующим призывом в одном из наказов: «ратуйте же, думті, бо голодуем», потому что, «люди ті вже вымерлись, паны—же вже напанувались», «крестьянам требуется вся земля и такие чиновники, которые служили бы им, а не господам».

Отправляя наказ, крестьяне с напряженным интересом следили за деятельностью думы даже в районах, пославших реакционных депутатов.

Так как в Первой Государственной Думе было большинство, высказывавшееся за принудительное отчуждение помещичьих земель, то правительство решило сразу покончить с этим вопросом и распустило Думу, назначивши новые выборы.

IX.

Крестьянское движение в 1906 году.

1.

Крестьянское движение 1905 г. закончилось, как мы видели, жестокими репрессиями со стороны правительства. Жестокость полиции, казаков и проч. вызывала часто столкновения, кончавшиеся убийствами крестьян, а иногда стражников и казаков. Так, в Прилукском у., Полтавской губ., в одном из имений, близ мест. Логатино, прибыл эскадрон казаков. «Ночью в селе раздался вдруг набат... Встревоженные казаки, ночевавшие в усадьбе помещика, помчались в село. На площади перед церковью эскадрон в потьмах налетел на железные бороны, положенные в несколько рядов зубьями вверх. Образовалась груда искалеченных людей и животных. Уцелели только задние ряды казаков». Но обыкновенно жертвами столкновения были крестьяне. Возмущенные бесчинствами полиции и казаков или арестами, они вооружались чем попало и нападали на стражников, драгун и на казаков.

Крестьянское движение в старых формах не исчезает. Зимой 1905—6 г. было широкое порубочное движение, которое было в 53 уездах Европейской России.

Разгромное движение после опыта 1905 года происходило уже в меньших размерах, но зато широко разлилось забастовочное движение.

Разгромное движение началось в начале декабря 1905 года в Днепровском уезде Таврической губ. и перебросилось в Мелитопольский у. Движение имело такой же характер, как и осенью 1905 г.; экономии сжигались, имущество уничтожалось, а потом являлись войска, начинались экзекуции и расстрелы. Всего было разгромлено в этом районе 32 экономии 72 хутора.

«Движение возникло под влиянием общего аграрного движения и, главным образом, движения в соседних уездах». (Екатеринославский и Херсонский уезд).

Развилось оно постепенно, начавшись с требования понижения арендной платы, возврата штрафных денег и проч. Потом начались разгромы.

Разгром Рогачинский экономии Вел. кн. Михаила Николаевича выразился в «повреждении и расхищении соединенными силами

имущества экономии (увезено, по данным обвинительного акта— более 45 тыс. пудов зерна), в уничтожении огнем экономических построек и расхищении имущества служащих». Вообще же движение выразилось в разборке и поджогах экономий, увозе живого и мертвого инвентаря, запасов зернового хлеба, рубке леса.

В других губерниях Новороссийского района волна разгромного движения в начале 1906 г. уже спадала, хотя были отдельные случаи разгромов. Так, в феврале месяце в «Русь» сообщают, что в Херсонской губ. имение богача г. Аркаса «Пески» разгромлено и сожжено, скот перерезан, частью уведен, земля свыше 4.000 десятин захвачена крестьянами.

Довольно сильное разгромное движение возникло в Черниговской губ. и части Могилевской. Движение также проявилось в разгроме экономий, в разборке хлеба, сена и проч. и в „непризнании" правительственной власти. В Тонеловке и Погорельцах Сосницкого уезда 4-тысячной толпой разгромлены экономии и сожжен завод.

Из Стародуба сообщают, что сожжено, уничтожено и разграблено несколько имений, причем уничтожались все постройки. Но вообще в 1906 г. разгромное движение проявлялось слабее и преобладало стачечное и митинговое движение.

Наиболее сильное стачечное движение было в юго-западном районе. В Подольской губ., раньше всего, в феврале, началось стачечное движение в Каменецком у. Оно вспыхивало то в одном, то в другом пункте не захватывая сплошного района. В начале мая вспыхивает движение в Могилевском уезде, охватившее ряд сел этого уезда. Крестьяне, собираясь толпой, снимали рабочих, а местами и батраков. Некоторых владельцев оставили вовсе без батраков, но старались не трогать имущества. Предъявлялось лишь требование повышения заработной платы.

Гораздо большее количество сел забастовочное движение охватило в уездах Винницком, Брацлавском и Гайсинском, т.-е. в районах наибольшего распространения свекловичной культуры.

Забастовки происходили во время весенних работ на свекловичных плантациях.

Из Киевской губ. имеются сведения и о зимних забастовках, но более серьезное забастовочное движение также было связано с весенними работами по культуре свеклы. В мае и в начале июня оно охватило, прежде всего, Липовецкий, и Уманьский у. у., а также отчасти Таращанский, Черкасский, Чигиринский, Сквирский, Васильковский и Радомысльский.

В Липовецком у. в первых числах мая забастовки начались почти повсеместно. Крестьяне отказывались работать в помещичьих плантациях и изгоняли пришлых рабочих. На места движения были высланы конные стражники. Движение приняло форму борьбы за более высокую плату. Потребность в рабочих руках вследствие обильных дождей была велика и землевладельцы были принуждены повысить заработную плату с 20 – 30 к. до 80 коп. в день. В конце мая почти весь уезд был охвачен крестьянскими волнениями, которые продолжались и в начале июня.

В Сквирском и Радомысльском у.у. у крестьян еще ранее весной происходили совещания, на которых разбирался вопрос о заработной плате. Крестьяне-арендаторы перед косовицей не без успеха вступали в переговоры о понижении арендной платы. В Васильковском и Таращанском у.у. образовались забастовочные комитеты, которые должны были устанавливать цены на рабочие руки и следить за тем, чтобы ниже установленной нормы никто не работал.

Приговоры свои крестьяне скрепляли честным словом. В некоторых местах они выносили решения на сельских и волостных сходах и составляли приговоры. Были даже попытки устроить совещания делегатов от крестьян от сел и деревень целых уездов.

На организацию движения большое влияние оказали социал-демократы.

Перед первым мая по селам в большом количестве были распространены прокламации, призывавшие праздновать 1-е мая. Вместе со всеми городками Васильковского и Сквирского у.у. в праздновании приняли участие целый ряд сел. „Жизнь замерла на всех панских фольварках и буряковых плантациях: экономические рабочие праздновали все». При праздновании раздавались голоса, недовольные 30 копеечной платой за рабочий день и его длиной. Одного возбуждения этого вопроса было достаточно, чтобы помещики 2-го мая об'явили 40 к. в день и сократили рабочий день. Крупные помещики не уступили и с ними завязалась упорная борьба. Там демонстративно разгуливали служившие в имениях казаки... «До кровавых столкновений дело не доходило; потасовки были, но обоюдные».

В Подольской губ. так же, как в Волынской и Киевской были организованы забастовочные комитеты, а в начале мая в 26 селах Брацлавского и Гайсинского у.у. организовались даже «советы крестьянских депутатов», но забастовочное движение в Подольской г. в 1906 г. вплоть до жатвы было слабым.

Ко времени жатвы в губерниях юго-западного края уже совершенно сформировались забастовочные организации крестьян, сыгравшие большую роль в крестьянском движении этого района.

Весной местные деятели крайних левых партий устроили с'езд для обсуждения способов лучшей организации сельского населения. Наиболее целесообразными формами организации были признаны сельские стачечные комитеты. Постановлено было стремиться к организации комитета в каждой деревне. Представители сельских комитетов образуют волостной, а представители волостей — уездный комитет. Без труда устраивались в селах собрания. Сельская полиция сама по себе была бессильна разогнать собрание, а до приезда стражников собрание уже успевало выбрать стачечный комитет. Комитету крестьяне подчинялись беспрекословно. Стоило комитету об'явить забастовку, и рабочие охотно прекращали работу на полях и с песнями расходились по домам. В некоторых селах в стачечный комитет вошли и женщины.

В июне происходили забастовки, главным образом, на свекловичных плантациях, т. к. полевые работы были еще впереди. Комитеты заняты были подготовительной работой и прежде всего стремились установить единообразную поденную плату. При наступлении уборки хлебов они рассчитывали развернуть полностью свои силы.

Помимо организации экономической борьбы сельские комитеты устраивали собрания, на которых крестьяне много говорили о Государственной Думе и вырабатывали наказы своим депутатам. Тут же крестьянам раз'яснялось все значение организованной защиты не только экономических интересов, но и политических прав. Организационная работа шла непрерывно.

Деятельность уездных советов заключалась в организации всеобщей местной забастовки, когда наступит жатва и сенокос.

Влияние революционных, главным образом — социал-демократ. партий на крестьянство укрепилось в юго-западном районе в период стихийных весенних забастовок весной 1905 г. После них все уездные тюрьмы были переполнены «социалистами» из крестьян, которые часто от жандармов впервые узнавали, что такое социализм. По выходе из тюрьмы аграрники встречали в деревнях участливое отношение и даже почет. Их выслушивали с особым вниманием; рассказы их о «политиках», «студентах» и проч. расчищали путь и социалистической пропаганде в деревне. «Связи» с крестьянами сильно разрослись и укрепились образованием «сель-

ских социал-демократических комитетов», через которые направлялась литература, которые организовывали собрания, устанавливали «членские взносы и т. д.» Большинство комитетов, избранных на митингах, арестовывались, но на их места выступали наиболее энергичные и сознательные крестьяне, а арестованные в тюрьмах заканчивали свое политическое воспитание.

Такое политическое воспитание давалось крестьянам в течение всей зимы, поэтому движение летом в 1906 г. уже было более сознательным и организованным. Требования были намечены следующие:

8—9 часовой рабочий день.

Паденная плата на бураках 75—50 коп.

На косьбе сена 1 р. 50 к.—1 р. 20 к.

Жатва за сноп: 4—5-й сноп; за копу 1 р. 20 к.—1 р.

Вязание 50 коп.

Еженедельный расчет по субботам.

Подготовить движение должны были общие районные конференции. Постановления конференций сводились к следующему:

1) Необходимо проводить везде «бурякові» забастовки «для практики».

2) Подготовлять почву для всеобщей забастовки «на жнива»:

а) популяризируя везде однообразные условия оплаты труда;

б) создание забастовочных комитетов;

с) избранием забастовочного бюро, об'единяющего комитета;

д) доставлять литературу и устраивать массовки для просвещения штрейкбрехеров;

е) организовать общую междурайонную конференцию.

Подготовленное, таким образом, забастовочное движение во время жатвы охватило Проскуровский, Летичевский, Каменецкий, Ушицкий, Могилевской, Ямпольский, Винницкий, Брацлавский и Гайсинский уезды Подольской губ., Чигиринский и Черкасский уезды Киевской губ., Староконстантиновский и Проскуровский у. у. Волынской губ.

Движение приводило иногда к столкновению с войсками, присланными «для порядка«. Так, в с. Череповке Проскуровского у., когда драгуны, прибывшие в село, хотели арестовать «зачинщиков», крестьяне ударили в набат, сбежалось все село и крестьяне

напали на драгунов с косами и камнями. 12 драгун было ранено, а из крестьян убито 5, а раненых неизвестно сколько.

Движение происходило в десятках экономий, так что в иных экономиях был полный застой полевых работ. В некоторых экономиях Проскуровского уезда уже к 9 июля достигнуто было соглашение путем взаимных уступок. Забастовки привели к новому явлению: на сельских сходах было решено обязать всех зажиточных односельчан выдать от 5 до 10 снопов с каждого морга земли в пользу безземельных, чтобы избавить их из-за нужды прибегать к штрейкбрехерству. Повинность эта была принята зажиточными, чем и об'ясняется стойкость требований рабочих...

В Ушицком у. забастовочное движение распространилось чуть ли не по всем имениям; оно носило явные следы организации. Помещики, при солидарности крестьян, должны были повысить плату за уборку хлеба. В г. Новую Ушицу ежедневно приводили партии арестованных крестян для заключения в тюрьму. Драгуны в селах избивали крестьян[1]).

В таких же размерах и с таким же успехом, но и с таким же избиениями со стороны солдат, происходили забастовки в Винницком уезде и в Брацлавском. Большой район движение охватило в Гайсинском, Ольгопольском и Брацлавском у.у, причем, напр., в имении гр. Орлова, крестьяне отказались убирать хлеб. Прибыл губернатор с войсками. Крестьяне держали себя мирно, но заявили, что ни за какие деньги не будут работать на помещика.

В Киевской губ. движение во время жатвы распространилось в Чигиринском, Уманьском и Черкасском у.у. Движение сурово подавлялось войсками. О характере вмешательства властей дает понятие следующая телеграмма, посланная двумя депутатами Госуд. Думы на имя Председателя Совета министров: «В Черкасском, Уманьском и Чигиринском у.у. полиция силой вынуждает крестьян работать в экономиях, отказ рассматривается, как сопротивление властям. Администрация переходит к насилиям и ведет население к взрыву». Депутаты просили о приостановке насилий.

---

[1]) Напр., в с. Корыжем, Могил. у., драгуны окружили забастовщиков, 4 убили и многих ранили. „Русск. Слово" 20, VII, 1901.

В других уездах Киевской губ. также были забастовки и проводились населением мирно и организованно.

В Минской губ. забастовочное движение во время жатвы проявилось преимущественно в Староконстантиновском и Заславском у.у.

Попытки некоторых помещиков задобрить батраков выпивкой не увенчались успехом и забастовки проходили дружно.

После жатвы забастовочное движение, в юго-западном крае не получило особенного развития, хотя и случались забастовки при копке свеклы и картофеля и бойкот помещиков.

На-ряду с забастовочным движением, в этом районе происходили порубки лесов, потравы, поджоги и проч., но эти формы движения не имели особенного значения, хотя и вызывали репрессии со стороны властей, сопровождались убийствами, насилиями и проч.

2.

В центральном черноземном районе в 1906 г. разгромное движение сменилось забастовочным, хотя одновременно происходили в больших размерах поджоги помещичьих усадеб. Только в Бобровском у., Воронежской губ., в конце июня вспыхнуло массовое разгромное движение.

Здесь столкновения начались еще с весны. В мае начались забастовки, составлялись приговоры, снимались рабочие и т. д.

С 20 чисел июня начались погромы и продолжались в течение 2-х недель, шли они постепенно, день за днем, с севера на юг по р. Битюгу и его окрестностям. Крестьяне собирались огромными толпами и переходили из имения в имение, не щадя ничего. «Раздавался набат с церковной колокольни, собиралась толпа и, вооружившись кольями, двигалась к намеченному имению, за ней следовали подводы с бабами, подростками, и все это двигалось с криками, гиканием и шумом. При первых случаях разгромов владельцы были захвачены врасплох; другие до последней минуты оставались убежденными, что их не тронут. Однако, толпа являлась и начинался разгром. Бывший предводитель дворянства Спешнев спрятался под телегу, кн. Орлов просидел под откосом р. Битюга, Гаев ускакал на тройке» и т. д.

Паника охватила весь уезд... «Картина, действительно, ужасная. По селам гудит набат, кругом льются и заволакивают небо густые столбы дыма; ночью повсюду на горизонте зарева. Мимо

селений, а иногда и через селения, проходят толпы; население прячется. Толпа то уменьшается, то увеличивается. Часть отстает, но через несколько времени к ней пристают новые люди и имение, попадающееся на дороге, разгромляется и сжигается».

В день уничтожалось по 5—10 имений; был день, когда очевидцы насчитывали до 13 пожаров.

Войска отсутствовали, они являлись лишь „карать". Иногда происходили столкновения погромщиков со стражниками и охраной экономий. Так, имение кн. Мещерского защищалось 3 дня, имея 42 человека вооруженных рабочих и служащих. Тем не менее, имение было сожжено. Сахарный завод кн. Орловых был отбит казаками от толпы в несколько тысяч человек, причем среди крестьян было много убитых и раненых.

В Бирючевском у. крестьяне слоб. Алексеевки произвели разгром экономии гр. Шереметьева, затем разгромили лавки и казенные учреждения, ж.-д. станцию и т. д. В столкновении пострадало 57 стражников, и масса крестьян, В сел. Перлевке также произошло столкновение с стражниками и казаками, которые должны были отстреливаться до вечера от наступавших крестьян и т. д. и т. д.

Всего было разграблено и сожжено до 60 имений. Убытки некоторых из них были весьма значительны. На конском заводе Орловых-Давыдовых было разобрано по 800 лошадей, а самый завод разрушен.

Крестьяне брали все, что можно было взять: хлеб, рожь, муку, соль, сено, овощи. Слух о разгроме мигом распространился по окрестным селениям и крестьяне спешили брать, что оставалось: лампы, сторы, посуду, одежду и проч.

Движение распространялось по Воронежскому и Землянскому у.у. и проявлялось здесь или в разгромах или в более мирных формах: составлялись приговоры о ценах на косьбу травы, уборку хлеба и проч.

В Рязанской губ. также были случаи разборки, забастовки, потравы и проч. Но разборка хлеба не имела «стихийного» характера. А происходила в единичных случаях на почве крайней нужды и голода. Значительно шире были распространены забастовки и захваты лугов, но и эти формы движения не захватывали сплошных районов.

Наиболее сильное забастовочное движение происходило в

Сапожковском уезде, где крестьяне держались спокойно, но стойко.

Гораздо значительнее крестьянское движение было в Тульской губ. в Епифанском у. забастовочное движение охватило весь его юго-восточный край. Крестьяне везде устанавливают таксу за работу.

«В уезд был отправлен почти весь наличный состав войска, но последние оказались бессильными в борьбе (с мирной забастовкой) с стихийным движением крестьян».

То же происходит в Одоевском у., Ефремовском, Богородском и Веневском у.у. Были случаи отказа войск стрелять в забастовщиков. Были случаи поджогов помещичьих усадеб и проч.

Разнообразные формы аграрное движение имело и в Орловской губ. Так, в Елецком у. «аграрные беспорядки принимают все большие и большие размеры, сообщает „Право". Крестьяне ночами выкашивают луга, увозят скошенное сено... В Афанасьевской волости разгромлен дом владельца, управляющий которого, успел уехать, отстреливаясь от нападавших крестьян. Во многих имениях «снимают» рабочих; приговорами устанавливают цену 1—3 р. мужчине в день; сторонних рабочих не допускают. Митинги происходят в лесах и оврагах. На митингах постановляют применять забастовки, чтобы вынудить продать землю крестьянам. Все это движение идет полосой по тем района, где были погромы и беспорядки осенью прошлого года.

В Трубчевском у. «возникли массовые забастовки. Крестьяне силой снимают рабочих, прогоняют служащих, посланы казаки и драгуны, выехал губернатор» и т. д.

В Курской губ., Грайворонском, Белародском, Суджанском и Льговском у.у. крестьяне сами устанавливают таксы на рабочие руки и земельные аренды... Помещики вынуждены уступать.

Происходит столкновение с стражниками, с администрацией и проч. Особенно неблагоприятное впечатление на крестьян произвела министерская декларация, после которой во многих губерниях столкновения обострились.

В Саратовской губ. происходили также, главным образом, забастовочное движение и тайные поджоги помещичьих усадеб, так как итти на разгромы население не решалось.

Наиболее крупная стачка произошла в с. Аркадаке Балашовского уезда. Это село является одним из крупных пунктов сельско-хозяйственного найма.

Стачка охватила 10 волостей. К ней присоединились и пришлые рабочие. Стачка держалась 10 дней, причем стачечники удерживали друг друга от насилий, пьянства и т. п. Но пришлый элемент пополнялся вновь пришедшим, средств существования не было и стачка прекратилась.

В это время начинает уже замечаться резкий раскол между крестьянами отчасти на партийной почве, но, главным образом, на экономической почве между богатыми и бедными. Бедные стали жечь богатых, богатые—бедных и взаимное озлобление начало все более и более обостряться.

В Тамбовской губ. также развивалось широкое забастовочное движение. По сообщению корреспондента «Речи», «словно по приказу, переданному телеграфом, крестьяне постановляют приговоры, в которых указывают цены на всякую работу у помещиков». Помещики обратились к содействию губернских властей, но это мало помогало... В газетах сообщается целый ряд расстрелов войсками забастовщиков.

Забастовочное движение центрального черноземного района имело другое значение, чем в западном и юго-западном районах. В Центральном районе забастовки большей частью устраивались крестьянами для того, чтобы совершенно лишить крупных землевладельцев возможности вести свое хозяйство и принудить их сдавать землю в аренду по более дешевым ценам. Для этого забастовщики-крестьяне требовали плату в 5 — 6 раз выше против прежней цены. Между тем как в юго-западном районе, как мы видели, забастовки происходили с целью повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

Сильное забастовочное движение развилось в северо-западном крае.

Так, из Слонимского у., Гродненской губ., сообщают, что крестьяне совершенно отказываются от полевых работ. О том же сообщают из Пружанского уезда с тем лишь различием, что забастовки происходят менее спокойно. Повсюду происходят столкновения с стражниками и казаками.

В Виленской губ. „член Государственного Совета Гавронский раз'езжает с драгунами по своим имениям и при помощи драгун заставляет бастующих крестьян становиться на работу».

Забастовки происходят и в Дисненском у.

Такого же рода известия сообщаются из Ковенской губ.

В Витебской губ. «Двинский уезд богат целым рядом волнений, залитых потоками крови», во многих местах забастовки.

В Смоленской губ. беспорядки возникли в широких размерах после роспуска Государственной Думы. В это же время возникли забастовки в Новогрудском у. Минской губ. Забастовки коснулись Бобруйского, Пинского, Игуменского и Слуцкого у.у. В Новогрудском уезде бастуют рабочие почти всех имений. После репрессий начались поджоги строений и сена у помещиков.

В Могилевской губ. в Мстиславском у., а также и в других местах, развивается статочное движение, иногда об'единенное в стачечные комитеты.

В промышленном нечерноземном, а также в приозерном районах движение проявилось больше на политической почве, в неплатеже податей, в столкновениях с администрацией при их взыскании, хотя в то же время происходили во многих местах потравы, забастовки и разгромы.

Нижегородский губернатор, например, пишет такого рода прокламацию: «Уже второй год крестьяне Новгородской губ. не платят ни казенных, ни земских сборов. По их словам, это будет продолжаться до тех пор, пока они не получат прирезки земли». В Белозерском у. происходят крупные беспорядки. Поджоги усадеб, лесов и т. д.

В Тверском и Новоторжском уездах Тверской губ. аграрные беспорядки захватили значительный район. «Крестьяне хозяйничают в помещичьих владениях». Оттуда же сообщается об отказах крестьян платить налоги, о захватах помещичьего скота, рубке леса, запашках земли.

В Ярославской губ. крестьяне не платят налогов и запрещают помещикам рубить лес.

В Муромском, Покровском и Юрьевском уездах Владимирской губ. крестьяне разгромили несколько имений. В тех же уездах крестьяне отказываются работать у помещиков и т. д. и т. д.

Довольно широкое забастовочное движение возникло в некоторых уездах Царства Польского. Сохачевский уезд в начале апреля был почти весь охвачен забастовками. Широкое забастовочное движение было также в Лодзинском у., в окрестностях города Плоцка, в Маковском у. близ Ломжи, в Варшавском и Влоцском уездах. В июле происходят забастовки в Седлецкой,

Варшавской и Сувалкской губерниях. Во многих случаях забастовки окончились обоюдными соглашениями.

Наконец, на Кавказе, в то время, в одних местах неистовствуют карательные отряды, в других продолжается или снова вспыхивает аграрное движение. Во многих пунктах помещичьи земли в 1906 году остались необработанными. В Кутаисской губ. отмечаются отказы населения в платеже податей, но все эти явления уже были последними отзвуками затихающего подавленного движения. Оно затихло и только выборами социал-демократических депутатов и во вторую и даже в 3-ю Думу население показало, что оно не примирилось..

Роспуск первой Государственной Думы и последовавшее за ним Выборгское воззвание, повидимому, увеличили неплатеж податей населением, но на аграрное движение особенного влияния не имели. О неплатеже податей сообщалось из самых отдаленных друг от друга пунктов: из Черниговской губ., где крестьяне на сходах постановляют не платить подати, из Курской губ., Новгородской, Петербургской, Казанской, Воронежской и т. д. В общем итоге получились следующие результаты: в 1905 г. за первое полугодие поступило 15 мил. рублей земских сборов (около 50% оклада), а в 1906 г. за те же месяцы внесено около 8 м. руб., т.-е. около 20% оклада. Набор новобранцев также не прошел гладко. В Вятском крае и в Закавказьи значительная часть новобранцев вели себя вызывающе.

Подводя итоги крестьянского (экономического) движения весной и летом 1906 года, Н. Саваренский насчитывает, что оно охватило 215 уездов, или половину уездов всей России, тогда как осеннее движение 1905 г. наблюдалось только в 161, или 37% уездов. Разумеется, только в немногих пунктах движение захватывало все крестьянское население; в большей части уездов движение охватывало или отдельные села, или несколько сел и волостей. Даже в юго-западном крае, где в движении участвовали все села района, движение охватило из общего числи уездов, волостей и селений следующий процент:

	Всего.	Затронуто движ.	%
Число уездов	12	9	75
„ волостей	156	26	17
„ селений вообще	1729	174	10

Таким образом, хотя в этом районе было затронуто движением 75% уездов, но участвовало в движении только 10% всех селений этого района.

X.

Конец и результаты крестьянского движения.

Роспуск первой Государственной Думы не уничтожил надежд крестьянства на ее помощь в его тяжелом положении. Правда, как видно из наказов во вторую Государственную Думу, крестьяне часто стали обращаться в Государственную Думу со своими местными нуждами и меньше пишут об обще-политических требованиях и о таких решительных мерах, как национализация земли. Тем не менее, крестьяне оценивали значение ее деятельности и при выборах во вторую Думу, несмотря на все препятствия, старались выбрать «своих» депутатов.

Правительство, со своей стороны, делало все усилия, чтобы создать «послушную» Думу и устранить неблагонадежных депутатов. Многие депутаты первой Думы, как известно, были преданы суду или просто арестованы. Распущенным депутатам препятствовали давать избирателям отчет о своей деятельности; сенатские раз'яснения устраняли от выборов в деревне интеллигентных лиц, были устранены «не домоховяева» и т. д.

Не менее энергично действовала местная администрация «при подготовке» выборов. В течение всего 1906 г. происходили аресты и высылки огромного числа «неблагонадежных» лиц. Но особенно усилились аресты перед выборами. Оппозиционные газеты конфискуются и не допускаются в деревню.

Хотя доступ сторонних агитаторов крайне затруднился, но среди крестьян еще сохранились остатки революционных организаций. Крестьяне устраивали собрания для обсуждения избирательной кампании. При оппозиционном настроении, несмотря на все препятствия, от крестьян прошло большинство выборщиков, принадлежащих к оппозиционным партиям. По подсчетам А. Смирнова, к 21 января состав вновь избранных крестьянских уполномоченных определился такой: из 1474 уполномоченных—884 человека, или 60%, вполне сознательно принадлежало к оппозиционным партиям. Правым же партиям принадлежало только 152 человека, или 10%. Из остальных — 400 называли себя беспартийными, 24—умеренными и 4 — октябристами. Администрация начала аре-

стовывать уполномоченных. Тем не менее во вторую Думу от крестьян прошло значительно больше депутатов, принадлежащих к революционным партиям, чем в первую Думу. Это видно из следующего сопоставления.

	Социалисты	Радик. демок.	Кадеты	Правые	Беспарт.
В первой Думе . .	3.1%	29.9%	34.4%	18%	14.6%
	33%				
Во второй Думе . .	38.2%	23.6%	29.9%	6.7%	2.3%
	61.8%				

Избравши «своих» депутатов крестьяне продолжают обращаться к ним с приговорами и наказами, но эти приговоры уже не выражают того приподнятого настроения, которое чувствуется в приговорах, адресованных в первую Думу.

Этот упадок настроения замечается и на местах, в аграрном движении. К концу 1906 г. крестьянское движение ослабевает и в 1907 г. уже не проявляется с прежней силой.

Характерной особенностью движения 1907 г. является его распыленность. Правда, порубка лесов, стачки делаются «скопом», но и они не захватывают сплошных районов, а поджоги, сменившие массовые разгромы, производились тайно отдельными личностями. Только в отдельных случаях встречаются «разборки» помещичьего хлеба и инвентаря. Движение пошло на убыль...

Особенно сильно беспокоили помещиков поджоги их усадеб. Сильно распространились поджоги в Курской губ., преимущественно в волостях, где было движение в 1906 году. Курские дворяне, встревоженные этим, подают царю телеграмму, в которой дворянство просит подтвердить неприкосновенность частной собственности.

В Саратовской губ., в Сердобском и Аткарском у., на ряду с поджогами и рубкой леса, встречаются случаи и разборки помещичьего хлеба и инвентаря. В других уездах Саратовской губ., на ряду с поджогами помещичьих усадеб, обостряется взаимное озлобление богатых и бедных слоев крестьянства, сопровождающееся также взаимными поджогами и убийствами. Это взаимное озлобление явилось результатом того, что понижением арендной платы, вызванным предыдущим аграрным движением, воспользовались зажиточные слои населения, которые теперь, при упадке настроения, стремились упрочить свое хозяйство на почве существующих хозяйственных отношений.

О пожарах сообщается из всех районов Европейской России, но учесть размеры пожаров и степень их распространения почти невозможно.

То из того, то из другого, уезда сообщают: „горим, горим, горим".

Повидимому, в большей части центральной России эта форма борьбы с землевладельцами сделалась в 1907 г. самой распространенной и достигла небывалых размеров. Но сведения о пожарах самые неопределенные. Из Радомской губ. телеграфируют: помещичьи усадьбы горят. Помещики бегут в города, оставляя свои хозяйства на произвол судьбы. Из Нежинского уезда пишут: «Каждую ночь видны зарева пылающих экономий». Из Рязани: «В разных пунктах губернии, преимущественно в южных уездах, запылали помещичьи усадьбы и экономии и с некоторыми перерывами продолжают гореть и теперь. С наступлением вечера то та, то другая сторона неба озаряется светом пожара; мужики, завидев зарево сумрачно говорят: «наши попаливают». Из Киевской губ. сообщают, что в Васильковском уезде чуть не каждую ночь было 5—7 пожаров в помещичьих экономиях. То же сообщают из Звенигородского уезда.

Из Поволжских губ. пишут: «Что ни ночь, то пожары. Земские страховые агенты констатируют, что весной 1907 г. было вдвое больше пожаров, чем в предыдущем году». Т. же самое происходит в Полтавской губ. и т. д. и т. д. «Землевладельцы испытывают настоящую панику, пишут из Курской губ. В „Голос Москвы". Поджигают, главным образом, хлеб и в скирдах, и в клунях, иногда на току во время молотьбы. Дело в том, что враг... массами не выступает, как в прошлом году, а между тем держит землевладельцев буквально в осадном положении. Враг неуловим... охрана стала почти бесполезной... Существуют поджигательные дружины»..

Были случаи поджога по жребию. Так, в Минском окружном суде судился крестьянин за поджог, который был сделан крестьянином по постановлению мирского союза, и сделан по жребию. В Васильковском у. только у одной гр. Браницкой было сожжено около 10 экономий, говорят, обществом крестьян, решившим пожарами «выжить панов».

Даже там, где раньше были забастовки в 1907 г. движение стало выражаться в поджогах, кражах и проч., потому что помещики приняли все меры, чтобы не дать вспыхнуть забастовочному

движению выписавши рабочих из других районов, и нанимая «охрану» и проч.

Тем не менее, во многих уездах—по подсчету С. Прокоповича в 28 уездах,—было более или менее организовано забастовочное движение, главным образом, в юго-западном крае. Но и в этом районе забастовки проявились слабее, отчасти вследствие многочисленных арестов и тяжелых репрессий, вызвавших анархические формы «распыленной» борьбы. Аресты были, главным образом, в районах наиболее сильного влияния украинского областного союза (Спилки), под руководством которого происходило стачечное движение в 1906 году. Озлобление крестьян, вызванное репрессиями, выразилось в увеличении числа „экспроприаций" и поджогов.

На ряду с поджогами происходят столкновения крестьян с представителями местной администрации, выражающиеся в местном терроре: убивают мелких представителей власти: урядников, стражников, старшин, чаще же всего доносчиков и шпионов.

Забастовки, как мы заметили, происходили, главным образом, в юго-западном крае. Здесь, несмотря на репрессии, сохранились связи крестьян с украинским соц.-демократическим союзом (спілкой) и стачки были организованными.

Забастовки начались в этом районе около половины мая на свекловичных плантациях.

Одним из основных мотивов забастовок явился вопрос о пришлых рабочих. Хозяева, ожидая забастовок и стараясь обеспечить себя, нанимали сторонних рабочих. На этой почве и возникли наиболее крупные столкновения, которые имели место, главным образом, в Киевской губ. в Бердичевском, Липовецком, Звенигородском, Уманском, Сквирском и др. уездах и частью в Подольской губ. По сведениям, полученным министерством внутренних дел забастовка сельскохозяйственных рабочих охватывает собой следующие уезды: Севский, Малоархангельский Орловской губ., Глуховский—Черниговской губ, Путивльский, Льговский, Фатежский и Щигровский—Курской губ., а также несколько уездов Екатеринославской губ.

Широкое забастовочное движение было в Опочецком и Новоржевском уездах Псковской губ., где «толпа крестьян в 100 и более человек двигалась от одного имения к другому, предъявляя всюду одни и те же требования: 1 р. мужчине в день за косьбу и 75 коп. женщине. В случае отказа снимали рабочих. Значи-

тельная часть помещиков согласилась повысить плату на 20 коп. против прежней цены. Прибыла полиция и рота солдат.

Своеобразное движение в 1907 г. развивается на Волыни, где во главе столкновения с помещиками стоит «союз русского народа». «В имении Грохольского произошло кровавое столкновение со стражниками». В имении Подгорецкого уничтожены посевы и т. д. Такого рода сообщения сопровождаются прибавлением „крестьяне, участвовавшие в беспорядках, числятся союзниками». Эти явления были результатом агитации Почаевского монастыря, с монахом Иллиодором во главе, против польских помещиков Агитаторы союза проводили следующий аргумент: «кто запишется в союз русского народа», даст полтинник и получит значок, тот будет русским и получит право на участие в разделе польской земли: кто не запишется, тот не русский и земли не получит».

На почве такой антипольской агитации проходили выборы в Государственную Думу.

Широкое аграрное движение в конце 1906 г. и в начале 1907 г. развилось на поссессионных заводах Урала, где земельные отношения горнозаводских крестьян с управлениями заводов были крайне запутаны и ненормальны.

В декабре 1906 г. до населения доносились известия, что заводчики готовы выкупить поссессионные земли, уплачивая по 2 копейки в год за десятину, с рассрочкой на 30 лет. Эта «справедливая» оценка естественно вызвала недовольство местного населения, которое уже раньше организовало волостные комитеты для урегулирования земельных отношений с землевладельцами. Весной и летом 1907 г. движение разрослось: происходили постоянно собрания то в той, то в другой части горнозаводского Урала. Отношения с администрацией обострились. В некоторые места были посланы солдаты, производилась масса арестов, было несколько столкновений с полицией, но в конце концов движение было подавлено.

Аграрное движение повело к временному понижению арендных цен в районах наиболее сильного аграрного движения, к повышению заработной платы в районах сильного забастовочного движения и к усиленной продаже дворянских земель. В Саратовской губ., где было очень сильное крестьянское движение, было предложено крестьянскому банку, за период с 3-го ноября 1905 г. по 1-е января 1907 г., купить 503 имения с площадью в 707 тыс. дес., а по всему восточному району (Саратовской, Пензенской,

Уфимской Симбирской и Казанской губ.) было предложено 1.306 имений с 1.559 тыс. десятин. Кроме того, большое количество сделок по продаже земли крестьянам было совершено помимо крестьянского банка.

Арендные цены в Саратовской губ. в 1905—6 г.г. значительно понизились. Например, в Аткарском у., вместо 60 р. 17 к.—10 р. 45 к. в Балашовском вместо 17 р. 73 к.—14 р. 95 к. в Сердобском—было 17 р. 84 к.—стало 14 р. 20 к. и т. д.

Заработная плата в юго-западном районе, где были наиболее организованные стачки, повысилась в следующих размерах:

	Средняя за 1902—4 г.г.	за 1905 г.	за 1906 г.
	коп.	коп.	коп.
Подольская губ. сев.	34	35	45
сенокос	45	50	65
Киевская губ. сев.	38	45	50
сенокос	55	70	80
Волынская губ. сев.	36	35	45
сенокос	46	60	60

В зависимости от хозяйственных условий и форм аграрного движения получились не только различные результаты, но и этими результатами воспользовались различные слои населения.

В районах забастовочного движения произошло повышение заработной платы и этим воспользовались или бедные крестьяне, или батраки. Напротив, в районах движения погромного, в районах аренды, ее понижением воспользовались богатые крестьяне, которые имели больше средств для расширения аренды по более дешевым ценам. Это обстоятельство и силило расслоение крестьянства в таких пунктах, как Саратовская губ., где богатые крестьяне, воспользовавшись плодами аграрного движения, стали бороться против крестьянской бедноты Расслоение крестьянства еще более усилилось, благодаря законодательству правительства, которое законом 9 ноября дало толчок к разделу общинных земель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I Почему крестьяне боролись за землю 5

II Экономическое положение крестьян в начале столетия 7

III 1905 год. Начало движения 9

IV Причины движения 34

V Отношение правительства и политических партий к движению . . . 38

VI Крестьянский союз 42

VII Крестьянское движение после 17 октября 46

VIII 1906-й год. Выборы в Государств. Думу и наказы 75

IX Крестьянское движение в 1906 году 80

X Конец и результаты крестьянского движения 92